

A romantic scene between a man and a woman in 18th-century attire. The man, with reddish-brown hair, wears a dark blue tuxedo jacket over a white ruffled shirt and a blue waistcoat. He is holding the woman's hand. The woman has blonde hair styled in an updo and wears a vibrant pink dress with a dark green belt and lace-trimmed sleeves. She is also wearing a pearl necklace. They are standing in front of a large, flowing pink fabric backdrop. The background wall features a green floral damask pattern.

КЭТРИН КОУЛТЕР

Сумасбродка

Шербруки

Кэтрин Коултер

Сумасбродка

«АСТ»

1999

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Коултер К.

Сумасбродка / К. Коултер — «АСТ», 1999 — (Шербруки)

ISBN 978-5-17-100757-7

Экстравагантность очаровательной Уинифред Леверинг Бэскомб дошла до опасного предела – девушка рискнула появиться в доме барона Клиффа, лорда Грейсона, под видом... Джека, юного слуги своих собственных пожилых тетушек! Первая встреча не могла, казалось бы, привести ни к чему хорошему... однако послужила началом для истории страстной любви. Истории, полной невероятнейших приключений, обжигающе пылких страстей и озорного, искрометного юмора...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-100757-7

© Коултер К., 1999

© АСТ, 1999

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кэтрин Коултер

Сумасбродка

Роман

Catherine Coulter

Mad Jack

© Catherine Coulter, 1999

© Перевод. Е. В. Погосян, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Посвящается Лесли Делону, превосходному шефу, несравненному дизайнеру и лучшему из друзей. Надеюсь, что наша совместная работа продлится еще не один год.

Глава 1

Особняк Сент-Сайров
Лондон
25 марта 1811 года

Грейсон Элмер Сент-Сайр, барон Клифф, снова пробежал глазами исписанную страницу и скомкал ее в кулаке. «Паршивое письмо!» – подумал он, прежде чем швырнуть бумагу в камин. Записка была совсем коротенькой, и те немногие слова, что в ней содержались, дышали ненавистью и злобой.

Некоторое время понаблюдав, как листок медленно алеет на сгибах, перед тем как вспыхнуть ярким пламенем, барон по длинному коридору направился из гостиной в заднюю часть дома. Открыв дверь, он вошел в библиотеку. Это была жарко натопленная комната, вся уставленная книжными полками. Темные плотные шторы надежно отгораживали библиотеку от холодной ночной тьмы, что было очень кстати, так как огонь в камине почти погас.

Никто из слуг не ожидал, что хозяин может явиться сюда в этот час, – все в доме были уверены, что барон отправился на свидание с любовницей.

Грейсон вспомнил о письме и выругался – правда, не так громко, как делал это его отец, напившись до того, что еле стоял на ногах. Он уселся за рабочий стол, достал из верхнего ящика лист почтовой бумаги и, окунув перо в чернила, написал: «Если попробуешь послать мне еще одно такое письмо, пеняй на себя. Я вышибу из тебя дух и брошу подышать в придорожной канаве».

Затем барон поставил свои инициалы – «Г.С.-С.», – аккуратно сложил бумагу и засунул в конверт. Он подошел к элегантному испанскому столику, украшавшему просторный холл особняка, и положил письмо на старинный серебряный поднос, тот самый, который его дворецкий Куинси собственноручно начищал до блеска каждый день на протяжении многих лет.

Шагая к дому своей милой Дженни и вдыхая холодный чистый воздух ранней весны, барон гадал, что может случиться, когда его письмо дойдет до адресата.

Скорее всего ничего особенного. Мужчины, подобные Клайду Барристеру, как правило, оказываются трусами.

Карлайсл-Мэнор
Фолкстоун
29 марта 1811 года

Черт побери, ему надоело ее уламывать! Маленькая неблагодарная ведьма!

Рука его уже поднялась для удара, но в последний момент он все же овладел собой.

– Если я сделаю это, Карлтон, чего доброго, заметит синяки и откажется от тебя!

Она невнятно захныкала, не поднимая головы.

– Заткнулась наконец? Вот уж не мечтал, что когда-нибудь научу тебя быть немой, как рыба. Для разнообразия это очень даже приятно – отдохнуть хоть ненадолго от твоих наглых взглядов. Да будет тебе известно, что в женщинах больше всего ценится покорность – и ты не исключение, хотя я и вижу тебя такой впервые в жизни! Неужели я тебя наконец укротил?

Она молчала. Тогда он схватил ее за подбородок и заставил поднять лицо. В ее глазах стояли слезы.

Он все еще тяжело дышал и никак не мог успокоиться после недавнего спора и ругани, но все же его физиономия мало-помалу стала приобретать свой обычный цвет, а голос больше не дрожал от злобы:

– Итак, ты выходишь замуж за сэра Карлтона Эвери. Он вернется сюда завтра утром. Ты улыбнешься ему как можно любезнее и заверишь, что почтешь за честь стать его супругой. Я уже дал ему свое благословение. Брачный контракт составлен и подписан. И ты не посмеешь ослушаться меня – иначе сильно пожалеешь об этом. – Он снова дернул ее за подбородок и, заметив, как слезы переполнили глаза девушки и потекли по щекам, злорадно улыбнулся: – Отлично. Не забудь сегодня принять ванну и как следует вымыть голову. У тебя вид, как у портовой шлюхи.

Напевая что-то себе под нос, он покинул ее спальню, радуясь одержанной победе. Правда, при этом он не забыл как можно громче хлопнуть дверью – на всякий случай, чтобы его жертва не очень-то расслаблялась. Только когда девушка услышала, как в замке повернулся ключ и загрохотали по коридору тяжелые сапоги, она перевела дыхание, подняла глаза и промолвила:

– Благодарю тебя, Господи! Благодарю тебя!

Перед уходом он позабыл заново связать ей руки!

Она подняла ладони, внимательно осмотрела синяки на запястьях и принялась осторожно их массировать, стараясь поскорее восстановить кровообращение. Затем наклонилась, развязала ноги и медленно, неловко встала с кресла, к которому была привязана, как преступник, на протяжении последних трех дней. Затем умылась и жадно принялась пить, одним махом осушив два стакана воды, которую наливала из стоявшего на столике возле кровати кувшина. Но как только она начала приходить в себя, тут же почувствовала сильный голод – со вчерашнего вечера он запретил приносить ей пищу.

Но как же он забыл, что оставил ее руки свободными? А может, не забыл? Может, он вообразил, что действительно сломил ее и теперь нет нужды ее связывать? Во всяком случае, она сделала все, чтобы заставить его в это поверить. Труднее всего было смолчать в ответ на его ругань. Даже выжать из себя слезы оказалось легче.

А что, если он вздумает вернуться? Эта мысль заставила ее двигаться так, словно она спасалась от страшного быка фермера Мэйсона, с которым столкнулась как-то посреди поля. Ей следовало покинуть этот дом не позднее чем через десять минут, а то и еще быстрее.

Она беспрерывно мечтала о бегстве целых три дня, кропотливо составляя планы и до мелочей перечисляя все, что сможет унести в своем маленьком саквояже.

Ей хватило нескольких минут, чтобы связать концы двух простыней и спустить самодельную веревку со второго этажа, уповая на то, что оконный проем не окажется слишком узким. Впрочем, за эти дни она наверняка успела изрядно сбросить в весе. Девушка не сводила глаз с расположенной под потолком мрачной бойницы, ее единственной лазейки на волю. Она протиснется через нее во что бы то ни стало – у нее просто нет иного выхода.

И каким-то чудом ей это все-таки удалось! Болтаясь в шести футах над землей, беглянка с торжествующей улыбкой глянула на окно своей спальни, а затем, разжав руки, полетела вниз и покатилась по мягкому откосу. Отдышавшись и обнаружив, что отделалась всего лишь парой синяков, она снова оглянулась на дом, силуэт которого казался мягким и загадочным в неярком лунном свете. Милый, милый дом в чудесном поместье Карлайсл! Когда-то все это принадлежало ее отцу Томасу Леверингу Бэскомбу, а не этому ублюдку, который женился на матери после того, как отец умер. Теперь поместье оказалось целиком в его власти.

Если повезет, ее не хватятся до самого утра. Но даже если он вдруг вспомнит и вернется, чтобы снова связать ей руки, что ж, тогда ее задача немного осложнится, только и всего.

По крайней мере Джорджи находится вдалеке от всего этого ужаса, где-то в Йорке, недоступная для ярости своего отчима, который наверняка придет в бешенство, как только станет ясно, что голубка вырвалась из клетки.

Слава богу, голубке было куда лететь.

Глава 2

Особняк Сент-Сайров

Лондон

2 апреля

– Милорд!

– Говори потише, Куинси, – шикнул Грей, не открывая глаз. – Элино́р еще спит.

Куинси покосился на томно раскинувшуюся Элино́р и послушно понизил голос до того уровня, который считал шепотом и который вовсе таковым не являлся, поскольку Элино́р тут же раскрыла глаза и сердито уставилась на дворецкого.

– Милорд, вам необходимо пройти в гостиную. У нас гости.

Барон не спеша провел пальцами по мягкой гибкой спинке Элино́р, похлопал ее по голове, пощекотал под шейкой – отчего она с наслаждением потянулась всем телом – и только тогда встал с места. Элино́р недовольно встряхнулась, глянула на Грея раз, другой – и плюхнулась обратно, оставшись лежать совершенно неподвижно.

– Она опять заснула, – заметил Грей. – Ты никогда не обращаешь на это внимания? Она может посмотреть тебе прямо в глаза, а потом мигнет – и готово. Наверное, она попросту не просыпается полностью. Так, говоришь, у нас гости? Что-то рановато. И кто они?

– Две престарелые тетушки, милорд. – Куинси с недоверием разглядывал притихшую Элино́р. Дворецкий был готов поклясться, что она не спит.

– Что еще за тетушки?

– Если верить словам мисс Мод, это тетушки вашей мамы.

Грей был весьма удивлен. Он виделся с ними совсем маленьким мальчиком, но это было так давно!

Барон задумчиво посмотрел на мягкое потертое кожаное кресло, которое так любила его мать. Он, как наяву, представил себе ее расслабленную позу и изящную кисть на теплой коже обивки. Как странно, что он до сих пор не забыл эти мелочи, – ведь их семья очень редко приезжала в Лондон в те годы.

– Я уж и не помню, когда слышал про них в последний раз, – не торопясь проговорил он. – Интересно, что им нужно?

У его матери был только один ребенок – и Грей бесконечно сожалел об этом. Может, если бы у него был старший брат, он смог бы стать защитником беспомощной женщины.

Барон покачал головой. Давние воспоминания, страшные воспоминания – лучше уж им лежать не потревоженными, все равно прошлого не вернуть и не исправить...

Два часа назад Грей успел позавтракать и до этого момента трудился над бумагами в библиотеке в обществе Элино́р. Теперь, окончив работу, он с наслаждением потянулся и направился в переднюю часть дома, который стоял в самом центре квартала, граничившего с Портмен-сквер. Из окон большой гостиной открывался отличный вид на парк по ту сторону улицы, только начинавший наряжаться в весенний убор.

Однако это утро выдалось довольно мрачным, серым, сырым и холодным. Уже апрель, а солнца не было и в помине. Впрочем, в Лондоне этим вряд ли кого удивишь.

Двойные двери гостиной распахнулись перед ним как по волшебству, и звучный голос Куинси провозгласил:

– Лорд Клифф!

Застывшие посреди огромной комнаты старушки уставились на хозяина так, будто внезапно увидели перед собой дьявола во плоти.

– Так вы и есть тетушки? – как ни в чем не бывало промолвил Грей, направляясь к ним с приветливой улыбкой. Похоже, он напрасно опасался, что ему придется сегодня томиться несколько часов от скуки, прежде чем он сможет отправиться в будуар к своей прелестной Дженни, чтобы заниматься с ней любовью, куда хватит сил.

Одна из старух шагнула вперед. Грей показалось, что он впервые видит такую высокую женщину; к тому же она была тощей, как вешалка, и имела узкое длинное лицо с сухой, слегка отливавшей желтизной кожей – ни дать ни взять старинный пергамент. Такой красотке давно полагалось бы лежать в гробу, однако двигалась тетушка с поразительным проворством, а выражение ее глаз говорило о ясной и деятельной работе ума.

– Нам нужна ваша помощь, – заявила она на удивление приятным, звучным голосом.

Грей снова поразился тому, какая у нее длинная шея, но при этом не мог не отметить красивый рот, невероятным образом сохранивший полный комплект зубов. Вежливо поклонившись, он молча ожидал дальнейших разъяснений, но старуха уже шагнула на прежнее место и теперь стояла, не спуская с него глаз, словно солдат, вернувшийся в строй.

Тут вторая старуха, в отличие от первой низенькая и полная, испытующе взглянув на сестру, двинулась вперед, сделав ровно три мелких шажка.

– Милорд, меня зовут Мод Коддингтон. Матильда могла бы объяснить вам, если бы захотела – а это бывает не очень-то часто, – что мы приходимся младшими сестрами вашей бабушке. К великому несчастью, ваша драгоценная бабушка Мэри умерла во время родов, дав жизнь вашей матушке. Наша милая сестрица Марта скончалась три года назад от воспаления легких, так что на свете остались лишь Матильда и я.

Мод выглядела чрезвычайно забавно благодаря несметному количеству оборочек и ленточек, украшавших каждый свободный дюйм ее одежды. На полях ее шляпки теснились целые груды фруктов – в основном это были яблоки и виноград. Но даже вместе с этим украшением она едва достигала ростом верхней пуговицы надетого на Грее жилета, тогда как Матильда, казалось, была почти вровень с ним. Неужели они действительно родные сестры? Интересно, на кого же тогда походила незабвенная тетушка Марта... Грей только однажды довелось увидеть портрет его родной бабушки, написанный, когда ей исполнилось восемнадцать лет.

– Это все из-за викария, – неожиданно подала голос тетя Матильда.

– Простите? – опешил Грей. – С вами что-то случилось из-за викария?

– С Мартой, – выдавила тетя Матильда.

– Марта прогуливалась с викарием, и тут начался ливень, а когда он привел ее домой, было слишком поздно. Она заболела и умерла.

– О, мне очень жаль! – Грей вежливо улыбнулся, старухи натянуто улыбнулись ему в ответ. – Спасибо за столь подробные пояснения. Ну а теперь, леди, не угодно ли вам присесть? Куинси, принеси-ка нам чаю и круглых лимонных кексов, которые готовит миссис Пост...

Он терпеливо подождал, пока гости расположились на диване напротив, а затем уселся сам.

– Тетя Матильда сказала, что вам что-то нужно от меня. Чем я могу вам помочь?

– Только не деньгами, – быстро сказала Матильда.

– Об этом не может быть и речи, – подхватила Мод. – Нет ничего противнее, когда две старухи таскаются по родным с протянутой рукой. Нет, милорд, нам нет нужды просить вас о финансовой поддержке. Мы живем возле Фолкстоуна и прекрасно всем обеспечены. Наш отец оставил вполне приличное наследство.

– К тому же у нас были богатые мужья...

– Которые тоже оставили нам немалые деньги. Прекрасные люди, лучшие из мужчин, и слава тебе, Господи, они оставались такими до конца дней своих. – Тетушка Мод не спеша перевела дух и продолжала трагическим тоном: – Милорд, мы просим у вас поддержки как у главы всего рода Сент-Сайров.

– Пусть и очень молодого, – присовокупила Матильда.

– Пожалуй, я действительно слишком молод, чтобы в двадцать шесть лет подходить на роль главы рода, – выдержав паузу, рассудительно ответил Грей. – Хотя и рода-то не осталось как такового. У меня есть где-то дальние кузены, которым скорее всего наплевать, глава я над ними или нет, – ведь до сих пор я их не видел. Тем приятнее принимать вас у себя, милые тетушки. Я искренне готов помочь вам всем, чем смогу... Ага, а вот и Куинси с кексами и свежим чаем!

Грей добродушно следил за тем, как Куинси, в молодости поражавший всех своей художбой, а теперь превратившийся в подобие пышного кекса славной миссис Пост, ловко расставляет угощение, наливает чай и помогает старушкам освободиться от вороха одежд. Он с любопытством отметил, что на Матильде все, от нелепой шляпки на макушке до старомодных туфелек на длинных прямых ногах, было исключительно черным. Даже крупная камея на шее была черной. Грей никогда в жизни не видывал ничего подобного.

Зато Мод предпочитала пурпурный цвет, к которому кое-где примешались коричневый и розоватый, что составляло несказанное облегчение для взора. И шляпка, и туфельки на удивительно миниатюрных ножках были красно-коричневыми. Грей с удовольствием подумал, что этот цвет очень к лицу тете Мод.

Когда наконец обе дамы уселись и каждая взяла предназначавшуюся ей чашку с чаем, Грей, стараясь придать голосу как можно больше серьезности, произнес:

– Умоляю, скажите же мне, что привело вас сюда?

Матильда осторожно подула на горячий чай и, сделав маленький глоток, ответила коротко и энергично:

– Потоп.

Мод откусила немножко лимонного кекса, сокрушенно вздохнула и добавила:

– В нашем чудесном доме к северу от Фолкстоуна недавно случился ужасный пожар. Поместье называется «Крылатые камни», и этот дом простоял почти триста лет. Мы и сами не имеем представления, откуда взялось такое название, но оно звучит очаровательно, не правда ли? Между прочим, когда мы с Матильдой умрем, «Крылатые камни» перейдут к вам...

Наградив барона сияющей улыбкой, Мод умолкла, видимо решив, что и так сказала достаточно; однако ей все же пришлось продолжить, после того так как она получила от Матильды толчок локтем, слегка напоминавший штыковой удар.

– Да, дорогая, я перехожу к сути дела. Ты только не забывай: мальчика нужно как следует подготовить. Нельзя же сваливать на него все разом.

Тут она подарила племяннику безмятежную улыбку, которую Грей счел заключительным этапом подготовки.

– В любом случае теперь, после этого жуткого пожара, дом придется строить практически заново. И мы хотели бы некоторое время пожить здесь, у вас, пока наше жилище приведут в порядок.

– Поверьте, я ничуть не возражаю, но... при чем же здесь потоп?

– Ах, – вздохнула Мод, деликатно вытирая пальчики салфеткой, после того как отправила в рот очередной круглый лимонный кекс, – потоп случился сразу же после пожара. Он был таким сильным, что наш любимый чиппендейловский гарнитур, доставшийся от мамы, прямо-таки выплыл из столовой! Проливной дождь – вот что всему виной. Он лил, лил и никак не кончался. Это расстроило нас даже больше, чем новое предложение руки и сердца, сделанное Матильде нашим викарием утром в прошлое воскресенье, сразу после проповеди.

– И что же Матильда? – Грей даже подался вперед, с нетерпением дожидаясь ответа.

– Матильда? Ну, она, как всегда, сказала, что сыта супружеством и ни за что не поверит, будто мужчина может поразить ее чем-то новым как в плане личных отношений, так и в плане материального обеспечения.

– Тетя Матильда, неужели вы сами сказали все это?

– Она наверняка сделала бы именно так, если бы захотела, – безапелляционно заявила Мод, – ведь при желании моя сестра может говорить как прирожденный мастер слова. Впрочем, что касается викария, то здесь Матильде было достаточно смерить его ледяным взглядом и выразительно отвернуться. Этим жестом было сказано все.

– Верно, – кивнула Матильда. – В конце концов, это Мортимер убил Марту.

Тетушка Мод закашлялась.

– Возможно, так вышло и не по его воле, но ведь это он потащил Марту погулять. Правда, потом он ужасно переживал... И вот теперь хочет жениться на Матильде. – Она умолкла и еще раз сокрушенно вздохнула: – Какая жалость, что викарий не сумел своими молитвами оградить нас от пожара и последующего потопа. Теперь нам ничего не остается, как явиться к вам и умолять о милосердии. Ведь вы позволите нам ненадолго поселиться у вас?

С Греем впервые в жизни творились столь странные вещи. Он в замешательстве переводил взгляд с неподвижной Матильды на разговорчивую Мод и представлял себе, как на лужайку перед домом выплывает чиппендейловский гарнитур их матушки. Пытаясь скрыть улыбку, барон кивнул:

– С большим удовольствием, милые леди. Могу ли я также предложить свое содействие по восстановлению разрушенной усадьбы? Я мог бы послать в «Крылатые камни» людей, чтобы отстроить все заново.

– Нет, – отрезала Матильда.

– Видите ли, милорд... – Мод подалась вперед и вдруг замолкла в нерешительности. Только тут Грей впервые обратил внимание на то, что светло-зеленые глаза старушки очень напоминают глаза его матери, а значит – и его собственные.

Тем временем Мод переглянулась с Матильдой и откашлялась.

– Наши доверенные лица уже вовсю занимаются стройкой, и мы не сомневаемся, что они быстро справятся с работой. Мы совершенно спокойны на этот счет.

– Понимаю, – пробормотал Грей и отхлебнул свой чай, уже давно успевший остыть. – Ну что ж, вы в любом случае будете у меня желанными гостями.

– Алиса... – начала Матильда и тут же остановилась.

– Моя мать? – не понял Грей.

– Ах, ну конечно, ваша дражайшая матушка, – пояснила Мод. – Она была такой милой малышкой. Мы так тосковали по ней, когда она вышла замуж за вашего отца, хотя все это происходило так давно, что мы и сами не можем сказать точно, отчего именно тосковали в то время. Но, да будет вам известно, ваш отец увез ее сразу же после свадьбы, и потом мы почти не видели ее до самого вашего рождения. Подумать только, когда мы в последний раз встречались с вами, вы были совсем маленьким мальчиком. Но и теперь мы тоскуем по вашей милой матушке всякий раз, когда вспоминаем о ней.

– Мерзавец! – прорычала Матильда, пригвоздив Грея к креслу сердитым взглядом.

– Видимо, Матильда имела в виду, что мы по-прежнему сильно сомневаемся, был ли ваш отец достойной партией для нашей Алисы. Ваша матушка была такой нежной, мягкой, такой слабой и податливой... Даже если бы ваш отец был святым, Матильда все равно считала бы, что он недостаточно хорош!

– Он был жестоким мерзавцем, – с ненавистью повторила Матильда. Она по-прежнему не сводила с Грея осуждающего взгляда.

Барон помолчал, медленно переводя глаза с одной старухи на другую, и затем кивнул:

– Возможно, в чем-то вы и правы. Мой отец вполне заслуживает осуждения, и вы наверняка теперь гадаете, не пошел ли я по его стопам. Вам трудно поверить мне на слово, но иного выхода нет. Я совершенно не похож на своего предка.

Скорее всего старушкам не известно, что происходило в их семье в последние годы, подумал Грей. Интересно, почему? Об этом могли узнать все желающие.

– Ну а теперь, милые леди, позвольте Куинси представить вам миссис Пиллер. Она служила экономкой у моей матери еще до моего рождения и наверняка выберет для вас самые удобные комнаты.

– Есть еще Джек, – вдруг заявила Матильда. – Ему тоже нужна комната. Рядом с нашими.

Грей тут же обратил внимание на необычно длинную фразу, произнесенную долговязой тетушкой. Стало быть, для старухи этот Джек – немаловажная персона.

– Что за Джек?

Мод успокаивающе похлопала сестру по колену и кивнула, отчего фруктовая лавка у нее на шляпке угрожающе накренилась, но та и не думала останавливаться:

– Да-да. Мы привезли с собой... нашего лакея. Он очень молод, и его зовут Безумный Джек. Поскольку мы обе нуждаемся в его услугах, его следует поместить вместе с нами. Может быть, ему можно будет устроить спальню в одной из наших гардеробных?

Грей чуть не расхохотался:

– Ваш лакей – безумный? Или вы просто хотите сказать, что его зовут как грабителя с большой дороги?

– Ну, – заговорила Мод, предварительно бросив недовольный взгляд на Матильду, – на самом деле это просто Джек. Но он такой живой, энергичный... Вы только не подумайте, что он какой-то дикарь – ни в коем случае! Просто временами его выходки могут добавить кое-кому седых волос.

– Хм... – Грей слегка опешил. Стало быть, они действительно притащили с собой лакея по прозвищу Безумный Джек? Не совсем обычное общество для престарелых леди. А впрочем, ему-то какое дело?

– Не будете ли вы настолько любезны хотя бы намекнуть мне на те необычные шутки, которые он может выкинуть у меня в доме?

– Все это ерунда, – заверила Матильда, видимо, пытаясь исправить допущенную оплошность. – Слово «безумный» можете выбросить из головы.

– Да-да, – подхватила Мод. – Наш мальш Джек ведет себя тише воды, ниже травы, когда находится в чужом доме, ни дать ни взять настоящий аристократ.

«Бесподобно!» – подумал Грей, а вслух сказал:

– Ну что ж, вам следует лишь дать нужные указания миссис Пиллер. Так где этот ваш Джек?

– Наверное, сидит себе тихо, как мышка, возле дверей в передней, – скромно улыбнулась Мод, – и караулит наши вещи. Он очень хороший мальчик, очень воспитанный – по крайней мере почти всегда, когда находится в гостях. Вы даже не заметите его. Мы так привыкли, что он всегда под рукой, рядом с нами. Да, Джек – очень порядочный молодой человек и предан нам, как собака. Никто ему не нужен, кроме нас двоих. А Безумный – это просто шутка, смешное прозвище, и не более того...

– Ладно, ради вас я готов принять этого Джека, пусть даже он и в самом деле окажется грабителем с большой дороги. Ну а теперь, поскольку мы все-таки родственники и вы, милые леди, как я надеюсь, хоть немного рады видеть меня в добром здравии, пожалуйста, зовите меня Греем.

– Грейсон, – уточнила Матильда. – Это ваше имя.

– Ну, честно говоря, мне оно всегда казалось длинноватым. Кое-кто из врагов зовет меня Сент-Сайром или Клиффом, но для остальных я все же просто Грей.

– Это очень мило с твоей стороны, мой мальчик, – заверила Мод, вставая и расправляя свои пышные красно-коричневые юбки, в то время как Матильда, поднявшись следом, повернулась в сторону холла и, набрав в грудь воздуха, громко позвала:

– Джек!

Глава 3

Как ни старался барон, с первого раза ему так и не удалось толком рассмотреть лакея тетушек и определить, насколько он в действительности безумен, поскольку лицо парня наполовину скрывала уродливая шерстяная кепка, натянутая по самые уши. К тому же лакей старательно отворачивался и почему-то не отрывал глаз от двух тетушкиных чемоданов. С уверенностью можно было сказать только то, что ему было примерно пятнадцать лет от роду, выглядел он тощим, нескладным, как зубочистка, в своих широких, не по размеру, штанах, растоптанных башмаках и какой-то жуткой куртке цвета горохового супа, позабытого на плите. По крайней мере с первого взгляда этот мальчишка вряд ли заслуживал свое грозное прозвище. Самый обычный недокормленный оборванец. Наверное, таким древним старухам вообще кажется безумием любой мало-мальски самостоятельный поступок столь юного существа. Интересно, что же он все-таки успел натворить? Смахнул со стола чайную чашку и наступил на осколки?

Тем временем лакей тетушек, взявшись за ручки хозяйских чемоданов, чертыхнулся и чуть не уронил их на пол. Заморыш с ненавистью уставился на чемоданы, затем снова набрался духу и потащил их за собой. Интересно, он что, так и будет волочить их по парадной лестнице? Грей чуть не расхохотался, наблюдая, как Безумный Джек принялся пинать поочередно то один чемодан, то другой, продвигаясь с каждым пинком не более чем на три дюйма.

Куинси достаточно было полюбоваться на это зрелище не более двух секунд – он тут же вызвал своего подчиненного по имени Реми и велел помочь с багажом. Рослый белокурый великан с истинно ирландской живостью хлопнул Джека по спине, едва не опрокинув при этом парня на пол, подхватил оба чемодана одной рукой и пошел к черной лестнице для слуг.

Не прошло и минуты, как гостей проводили наверх, в их комнаты, смежные с просторной гардеробной, в которой предполагалось поместить Джека.

– Тетушки поживут у нас некоторое время, – сообщил Грей Куинси. – Пожар, а затем потоп уничтожили их дом возле Фолкстоуна. Они побудут здесь, пока их жилье не восстановят. Пожар и потоп, – повторил он, не сводя хмурого взгляда с портрета третьей баронессы Клифф, признанной ведьмы, умершей тем не менее в собственной постели и от естественных причин в возрасте восьмидесяти двух лет. – Это выглядит довольно странно, как ты считаешь?

Куинси, решивший про себя, что парочка старух вместе с их оборванным и необученным лакеем не более чем самые обычные настырные попрошайки, брезгливо заметил:

– Они приехали в наемном экипаже, милорд. А от их багажа так и веет прошлым веком.

– Что ж, пожалуй, первое даже и к лучшему – в конюшне все равно некуда было бы поставить еще одну карету. А насчет багажа – с какой стати ему быть новым? Они сами явились из прошлого века. Ну, теперь мне пора.

– Ваша милость отправляется развлекаться?

Грей ухмыльнулся, глядя на то, как Куинси, ростом едва ли превышавший тетю Мод, приготовил его пальто, и ехидно спросил:

– Что я слышу, Куинси, уж не осмелился ли ты задавать вопросы?

Куинси не проронил в ответ ни слова. Подав пальто, он с непроницаемой миной добропорядочного дворецкого отошел на шаг и остановился в почтительном ожидании; однако Грей успел заметить промелькнувшую в его взгляде тень неодобрения.

– Грей, ты непременно, непременно должен попробовать яблочное печенье! Я уже готовила такое раньше, но наш мясник, эта волосатая обезьяна, которая все время твердит, что я слишком изящна, чтобы стоять у плиты, ворчал, будто у печенья слишком сухая корочка. Теперь я положила в тесто побольше масла – на всякий случай, если он все же был прав. А яблоки совсем свежие! Их продавал такой наглый мальчишка – представляешь, он попытался

меня поцеловать, и я чуть не оторвала ему ухо! Ну же, попробуй скорее печенье! Я приготовила его специально для тебя!

Грей валялся на кровати совершенно голый, измученный и довольный, в то время как Дженни суежилась перед ним. Она была в тонком розовом пеньюаре, выглядевшем гораздо соблазнительнее, чем то яблочное печенье, которое она совала ему в рот. Великолепные черные волосы Дженни были распущены и свисали до округлых симпатичных бедер, а алые губки все еще оставались припухшими от недавних поцелуев. Грей чувствовал, что хочет ее снова, – но это, пожалуй, через пару минут. А теперь ему ничего не нужно, кроме небольшой передышки, чтобы восстановить свою мужскую силу.

Все же в конце концов он сдался и послушно взял печенье. По крайней мере Дженни всегда готова накормить его после того, как вытянет все силы.

– Ты прежде никогда не пекла для меня ничего подобного, – заметил барон, прожевав кусочек хрустящего теста, сочившегося горячим яблочным соком.

– Жареная утка со сладкой мадерой и абрикосовым соусом немного тяжеловата после занятий любовью – разве это не твои слова? Вот я и подумала, что лучше ограничиться одним десертом.

Грей взял еще печенье и откинулся на подушку. Он прикрыл глаза и скрестил руки на груди, ухитряясь при этом следить за тем, чтобы не измазаться сладким соком. Медленно двигая челюстями, барон представлял, как Дженни нетерпеливо переминается с ноги на ногу в ожидании похвалы, и нарочно не торопился открывать глаза, старательно и долго жевал, пока не проглотил все до конца, лишь тогда осторожно глянул на Дженни из-под полуопущенных век. Она действительно готова была взорваться.

Наконец Грей окончательно открыл глаза и заявил:

– Я что-то не уверен, так ли уж это вкусно. Нужно попробовать еще.

Следующее печенье тут же оказалось у него во рту, и он принялся жевать его так же медленно, пока наконец ему не стало ясно, что, если он не скажет чего-нибудь сию же минуту, Дженни запустит в него тарелкой.

Довольно улыбаясь, барон погладил себя по животу и назидательно произнес:

– Дженни, если добавить к яблочному печенью немного девонширского крема, оно делается просто восхитительным. Нежное тесто, смягченное маслянистым кремом, станет таким же мягким и шелковистым, как твой животик!

– У меня как раз где-то оставался девонширский крем! – восторженно взвизгнула Дженни и опрометью выскочила из спальни, а лорд Грей, лежавший на смятой постели, с наслаждением вздохнул, потянулся и задремал.

Прежде чем он ушел два часа спустя, успев еще раз насладиться прелестями Дженни и чувствуя себя совершенно удовлетворенным, как викарий, нашедший в кружке для пожертвований пару золотых, Грей съел немало яблочного печенья с девонширским кремом. Угощение действительно было очень вкусным, а Дженни так мило хихикала, слизывая остатки крема с его губ...

– Дашь мне рецепт для миссис Пиллер? – спросил он. – Тогда моих гостей за уши не оторвешь от стола. – Грей вдруг представил, как сообщит чопорной миссис Грэйнджер-Джонс, достойной супруге такого же древнего, как и она сама, генерала колониальных войск, что взял рецепт у своей любовницы, и расхохотался.

На прощание Дженни еще раз поцеловала его в губы и помогла одеться. Она весело напевала, расставаясь с Греем, наверняка замышляя приготовление в этот момент какого-то нового лакомства. Скорее всего, после того как он уйдет, Дженни, даже не потрудившись сменить на что-то более приличное свой пеньюар, направится напрямиком на кухню. И немудрено – на оборудование этой части дома по последнему слову техники Грей потратил гораздо больше

денег, нежели на то, чтобы покупать Дженни наряды, украшения и возить ее на прогулки в Воксхоллгарденс и в оперу.

* * *

Особняк Сент-Сайров

7 апреля

Интересно, чем же все-таки все это время занимаются его тетушки? Грей просто терялся в догадках. Со дня прибытия он видел их всего дважды, и оба раза за обеденным столом. При этом Матильда была одета в черное платье образца 1785 года, лишенное украшений и с толстенным корсетом. Ее густые, удивлявшие белоснежной сединой волосы были убраны в узел на макушке.

Что до тетушки Мод, то она щеголяла в самом современном туалете с завышенной талией и многими слоями красновато-коричневого шелка, прикрывавшего впалую грудь.

Каждый раз барону сообщали все новые душераздирающие подробности о пожаре и о потопе, из-за которых дом двух старых леди пришел в весьма плачевное состояние. Он также узнал о том, как злокозненный викарий Мортимер завлек Матильду за ризницу и хотел украсть у нее поцелуй в ту минуту, когда пономарь зазвонил в колокол, а потом попытался похлопать ее пониже спины. В оба вечера по завершении обеда барону так и не удалось спокойно посидеть в гостиной, наслаждаясь бокалом портвейна.

После обеда, как только он проводил тетушек в гостиную, еще прежде чем они успели сесть, Матильда вдруг обронила: «Пианино», – и затем Мод весь вечер терзала его слух какими-то бесцветными сочинениями Гайдна.

Эта же сцена повторилась и на следующий вечер. Грей машинально гладил Элиноর, вальяжно растянувшуюся около его ноги, и думал о том, что неплохо было бы сойтись с этими забавными старухами поближе. Отчего-то они начинали ему нравиться.

Барон осторожно подвинул Элинор, сел поудобнее и, обмакнув перо в чудесную ониксовую чернильницу – подарок очаровательной вдовушки Констанс Дюран, благодаря Грею избавившейся от раздражительной помехи в жизни, именуемой ревнивым мужем, – начал письмо Райдеру Шербруку. Этого человека, лишь ненамного превосходившего Грея годами, барон любил больше всех на свете.

Он как раз заканчивал писать, когда в библиотеку, раздраженно щуря свои слезящиеся глаза, вошел Куинси.

– Что-то случилось, Куинси?

– Там пришел джентльмен, милорд... По правде сказать, я его вижу впервые. Он дал мне свою карточку.

Куинси протянул хозяину белоснежный клочок картона, на котором было аккуратно выведено: «Сэр Генри Уоллес-Стэнфорд». Совершенно незнакомый человек. Грей снова посмотрел на Куинси:

– С ним что-то неладно?

– Пожалуй, дело в его глазах, – задумчиво протянул Куинси. – Они выдают его с головой. Я прочел в них одну лишь алчность – откровенную, жгучую алчность, и ничего более. Впрочем, не исключено, что я слишком драматизирую ситуацию. И тем не менее я бы не стал считать сэра Генри хорошим человеком. – Куинси брезгливо поморщился. – Он просил позволения повидаться с вами. Сказал, что это очень важно.

– Что ж, возможно, это что-то интересное, – промолвил Грей и встал. – Веди сюда своего сэра Генри.

– Лорд Клифф? – Элегантного вида джентльмен средних лет осторожно переступил порог библиотеки. Он был высок и строен, голову его украшала густая темно-каштановая шевелюра, лишь слегка тронутая сединой. Незнакомец протянул руку, и Грей вежливо пожал ее.

– Боюсь, что не имею чести знать вас, сэр.

– Меня зовут Уоллес-Стэнфорд. Я близкий друг милых сестер, что живут в «Крылатых камнях», – Матильды и Мод. По случаю мне пришлось приехать в Лондон, и я решил узнать, как они себя чувствуют у вас. Видите ли, я очень привязан к старым леди.

Так вот оно в чем дело! Грею моментально все стало ясно. Ну, тут он выдал себя с головой – слишком поторопился и заговорил об интересующем его предмете без всякой подготовки. Пытается показать, что это для него пустяк, а сам так и трясется от нетерпения.

– Понимаю. – Барон предложил сэру Генри присесть. – Не желаете бренди? – Грей наполнил бокал и протянул его гостю. – Итак, вас беспокоит состояние моих тетюшек. Вы нанесли визит, чтобы повидаться с ними или просто чтобы спросить?

– Нет, дело в том, что я, скорее, хотел узнать: возможно, старые леди захватили вместе с собой еще одну особу...

– Еще одну особу?

– Ну да.

Грей заглянул в непроницаемые глаза сэра Генри Уоллеса-Стэнфорда, припомнил слова Куинси и медленно произнес:

– Увы, тетюшки приехали одни.

– Понятно... – Сэр Генри не спеша поднялся. – Простите, что побеспокоил вас, милорд, но... вы действительно уверены в этом?

Заинтригованный, Грей решительно качнул головой:

– Абсолютно уверен. Может быть, вы хотите сами у них спросить? Насколько я знаю, сейчас они должны быть у Хукмена или у Гюнтера – там они обычно лакомятся мороженым. Или вы подождете их здесь?

– Ах нет, на самом деле это все не так важно. – Гость еще раз внимательно посмотрел на Грея и с неохотой откланялся.

Выпроводив сэра Генри, барон не спешил покинуть холл – вместе с Куинси он задумчиво разглядывал захлопнувшуюся дверь.

– Довольно странный визит, – пробормотал Грей.

– И слишком неприятный человек, – тут же подхватил Куинси. – Чрезвычайно неприятный. Если вас, милорд, не затруднит сказать мне, чего он хотел, я с удовольствием попытаюсь догадаться об истинном смысле его просьбы.

– Думаю, он явился сюда из-за Джека.

– Из-за Джека? – Куинси забарабанил пальцами по серебряному подносу для карточек, который все еще держал в руке. – Ума не приложу, что за дело ему до этого лакея! Совершенно никчемный мальчишка. Да и служащий никудышный – так сказал мне Хорэс. Его никто не позаботился вышколить. Оно и немудрено – парень, как чумы, избегает других слуг и не высывается из комнат тетюшек. Кстати, не мешало бы его приодеть. Не понимаю, почему ваши родственницы не позаботятся об этом?... И все-таки зачем лакей Джек мог понадобиться сэру Генри?

– А вот это и в самом деле хороший вопрос.

Безумного Джека, который, разумеется, не был на самом деле ни Джеком, ни уж тем более безумным, терзал смертельный страх. Прошло всего четыре дня с тех пор, как он, а вернее, она выскользнула из окна спальни по связанным простыням и добежала до знакомого дома. Теперь ей приходится прикидываться мальчишкой, так как тетюшки сказали, что отчим наверняка

сумеет до них добраться, и если с ними окажется беглая девица, поднимется страшный скандал, начнутся неприятности, которых они вовсе не желают.

Вот почему ей придется пока оставаться лакеем.

Тут тетушки смущенно умолкли, а затем сообщили громким шепотом, что барон, как ни крути, является сыном бесчестного негодяя и никто не поручится, что он не пойдет по стопам отца. Иными словами – не дай бог, он увидит ее, влюбится по уши и вздумает соблазнить. Правда, она с трудом представляла себе, что в нее вообще кто-то может влюбиться, – но разве ее спрашивали? Тетушки рассуждали об этом с абсолютной уверенностью, а кому, как не им, разбираться в таких вещах – ведь они были втрое старше ее!

Безумный Джек. Вспоминая о его появлении на свет, она всякий раз не могла сдержать улыбки. Тетушка Матильда долго мерила ее задумчивым взглядом, пока наконец не изрекла мелодичным глубоким голосом:

– Штаны.

– Да, вот это отличная идея! – Тетушка Мод даже всплеснула руками. – Она будет мальчишкой в огромной кепке, надвинутой до бровей, и в широких штанах с пузырями на коленях. В церкви есть склад старых вещей, там мы найдем все, что нужно! И тогда наш внучатый племянник, наш милый, дорогой мальчик не будет подвергаться искушению при виде ее неотразимой красоты и не поддастся зову проклятой крови своего предка!

– Тетя Мод, да во мне красоты не больше, чем в тыкве! – Она страдальчески закатила глаза.

– Джек, – буркнула Матильда, даже не обратив внимания на ее слова.

– Да-да, Джек – очень милое имя, – закивала тетушка Мод. – Солидно и без всякой романтики. Имя, вызывающее доверие, а не желание задавать вопросы. Но послушай, разве когда-то на большой дороге не было грабителя с таким же именем? Кажется, его звали Безумный Джек или что-то в этом роде...

– Черный Джек, – уточнила тетушка Матильда. – Но Безумный Джек лучше. Это именно наш мальчик.

– Да-да, чрезвычайно романтический злодей, – подхватила Мод. – Если даже барон и найдет в ее облике что-то странное, при имени «Джек» он тут же обо всем позабудет и вернется к своим делам.

Итак, вот уже четыре дня она была Безумным Джеком. Сколько времени понадобится отчиму на ее поиски? Хотелось бы ей это знать.

Она видела барона всего один раз, да и то мельком, – в то самое утро, когда они приехали в его особняк. Правда, она все же успела разглядеть, что «милый мальчик», на свою беду, слишком красив. Достаточно было любой женщине хоть раз взглянуть на рослого блондина с ярко-зелеными глазами и благородным лицом викинга, чтобы она тут же принялась томно вздыхать, кокетливо опускать ресницы, а потом и вовсе падала к его ногам. Так по крайней мере представлялось Джек. При одной мысли об этом ее коробило. Интересно, насколько молодой человек похож на своего отца? Неужели он так же порочен? А может, он напоминает ее отчима – такой же жестокий и алчный?

Тетушки успели предупредить ее о каверзах проклятой крови. Похоже, это родовая черта всех мужчин из рода Сент-Сайров, добавляли старухи небрежным тоном. Что ж, ей, пожалуй, лучше поверить их опасениям. Ведь если барон такой же бабник, как ее отчим, ей ничего больше не остается, как только прикидываться Джеком, пусть даже и безумным.

Особенно напугал девушку его взгляд, направленный на нее все то время, пока она боролась с неподъемными тетушкиными чемоданами. В нем сквозила та непередаваемая надменность, которая обычно свидетельствует об опыте совершенно определенного рода – такой опыт не пристало иметь молодому человеку, принадлежащему к знатному роду. Как ни жаль, но, видимо, барон действительно оказался негодяем, мерзавцем до кончиков ногтей.

Джек зябко поежилась и свернулась клубком на постели.

В ее памяти замаячило лицо отчима – дьявольски красивое лицо, которое мать полюбила без памяти с первого же взгляда и не смогла разлюбить до самой смерти. Ей даже показалось, что она снова слышит его голос, полный ненависти и злобы.

А еще не далее как вчера они получили письмо от управляющего в «Крылатых камнях». Джорджи привезли назад в поместье Карлайсл.

Боже милостивый, что же ей теперь делать?

Глава 4

Грей чувствовал себя совершенно разбитым, в груди его клокотала ярость. Он не сомневался – если бы в ту минуту муж Лили не валялся в дальнем углу, упившись до беспамятства, он с превеликим удовольствием размазал бы мерзавца по полу. По крайней мере теперь Лили ничто не угрожало, потому как Чарлз Ламли все же успел вовремя очухаться и понять: Грей прикончит его на месте без лишних слов, посмей он только еще раз поднять руку на свою жену. Ламли сам подтвердил это; но, хотя он говорил достаточно твердо и разумно, барон не особенно доверял его обещаниям и в дальнейшем собирался не спускать с него глаз.

Сделав глубокий вдох, Грей задержал дыхание. Надо же было до такой степени вывести его из себя! Прошел почти час, а он по-прежнему готов был лопнуть от злости.

Чарлз Ламли, бесхребетный слизняк, превращался в отъявленного мерзавца, если сталкивался с жертвой, которая казалась ему слабее его. Именно такой и была его жена Лили. Но уж теперь пусть только попробует еще раз ее тронуть – Грей найдет способ его проучить.

Барон остановил наемный экипаж на углу Портмен-сквер, расплатился с извозчиком и направился домой. Ему не хотелось будить почтенных тетюшек, чьи спальни выходили окнами на фасад особняка, и он уже собрался отпереть парадную дверь своим ключом, как вдруг краем глаза заметил невдалеке отблески света. Наверное, почудилось, подумал он, однако инстинктивно все же повернулся туда, где промелькнул свет. Кажется, это было возле конюшни: стало быть, его старший конюх, Бирон, все еще возится с одной из лошадей. Уж не случилось ли беды? А что, если у Брюстера, его гнедого жеребца, опять колики или же Дурбан повредил себе сухожилие?

Больше не раздумывая, Грей поспешил к конюшне, расположенной сразу позади дома и выходившей на соседнюю улицу.

Тем временем загадочный свет погас. Когда Грей вошел внутрь, в конюшне царила полная темнота. У Грея тревожно екнуло сердце. Отчего дверь оставлена распахнутой настежь? Ну нет, никакой это не Бирон. Это вор!

Хотя... где вы найдете вора, у которого так мало ума, чтобы лезть в господскую конюшню на глазах у всей Портмен-сквер? Это никак не укладывалось у Грея в голове. Тем временем он бесшумно и ловко продвигался в глубь конюшни, прекрасно ориентируясь в темноте, пока не замер у стены по правую руку от входа. Не далее как в десяти футах от него находились три его верховые лошади – каждая в своем деннике. Грей затаил дыхание. Вот скрипнула дверца денника, и он услышал незнакомый голос: по-видимому, кто-то обращался к одной из лошадей, желая успокоить ее. Грей знал, что надежно укрыт в тени и его невозможно разглядеть. Зато сам он видел, как встряхивает головой и нервно фыркает его Дурбан. Вот негодяй ловко вскочил в седло. Серый жеребец медленно, неохотно двинулся прямо на Грея.

Барон не смог сдержать злорадной улыбки. Ему не удалось отвести душу, размазав по полу эту пьяную скотину Ламли, но зато теперь еще один негодяй сам шел к нему в руки. Ну что ж, пусть пеняет на себя.

Грей почувствовал, как вскипает в жилах кровь, и вкрадчиво произнес:

– Грязный маленький паршивец! Никуда ты от меня не уйдешь!

С этими словами он вцепился вору в ногу и рывком сдернул его на землю, а затем отвесил ему здоровенного пинка, стараясь попасть по ребрам. Он был очень доволен, услышав смачный хруст. Ну вот, по крайней мере не промахнулся. Черт побери, ну и костлявый же попался щенок!

– Проклятый недоносок! Я тебе все ребра переломаяю!

– Ты их уже переломал!

Судя по голосу, вор действительно был совсем сопляком. От боли он тоненько застонал. Наглый тощий воришка – теперь-то Грей разглядел это как следует! Эта гнусная обезьяна решилась свести у него чистокровного жеребца и не успела совершить кражу лишь благодаря случайности!

– Погоди, я еще только начал! Я тебе покажу, как красть моих лошадей, чертов ублюдок! – Грей наклонился, схватил вора за плечо и рывком поднял на ноги. Он тряс мерзавца что было сил и уже готов был, злорадно улыбаясь, врезать негодю по физиономии, но тут вор умудрился пнуть своего мучителя по коленке.

Барон взвыл от боли и, ухватив мальчишку за шею, прижал его к стенке денника, в котором стоял Вильгельм Завоеватель. Огромный жеребец пронзительно заржал. Ему тут же откликнулся Брюстер.

– А ну не шуметь! – повелительно крикнул Грей. – Я мигом вышибу дух из этого щенка за то, что он попытался свести Дурбана, у которого наверняка помутилось в башке, раз он позволил ему это!

Сам Дурбан в эту минуту невозмутимо стоял рядом и жевал сено. Грей посмотрел на вора, который бессильно повалился на солому, ошалело тряс головой, – и расхохотался:

– Что, мозги отшибло, придурок? А ну вставай, тощая скотина! Я собираюсь переломать тебе еще пару-другую ребер!

Но вор даже не двинулся с места. Он лежал теперь совершенно неподвижно, и Грею пришлось самому наклониться, чтобы поднять его на ноги.

– Только попробуй снова пинаться – будешь лететь отсюда до самой Темзы! – Он грубо встряхнул обмякшее тело. – И не вздумай скулить, щенок! – С этим напутствием Грей ударил негодю в челюсть и затем отпустил. Вор снова растянулся на полу. – Это тебе задаток! А ну-ка поднимайся, черт бы тебя побрал!

Однако вор по-прежнему лежал не шелохнувшись.

Ну что за проклятие! Трусливый мешок с костями имел наглость потерять сознание всего лишь от какого-то несчастного пинка под ребра! Или это результат удара в челюсть? Грей даже разогреться толком не успел, а недоносок взял да и свалился без чувств... Подхватив вора под мышки, барон поставил его на ноги и принялся хлопать по щекам, но все было напрасно. Мальчишка никак не приходил в себя и внезапно стал таким тяжелым, что Грею пришлось разжать руки. Вор кулем рухнул на землю.

– Черт бы тебя побрал! – Грей опустил на одно колено и уже собирался зажечь лампу, чтобы повнимательнее рассмотреть непрошеного гостя...

Но ему так и не удалось этого сделать. Внезапно ожив, вор ткнул кулаком Грею в лицо и, пользуясь его замешательством, вскочил.

– Ах ты, мерзкий сопляк! – воскликнул Грей, потирая ушибленную челюсть. – Так я и знал! Тощий и скользкий, как червяк! Ты ведь еще даже не начинал бриться, а? Но я все равно отвешу тебе все, что причитается! Потом десять раз подумаешь, прежде чем соваться в господские конюшни и воровать чистокровных лошадей!

Не отнимая руку от саднившей щеки, барон сделал резкое движение, стараясь поймать мальчишку. Тот снова хотел вывернуться, но и на этот раз оказался недостаточно проворен. Грей сшиб его с ног, затем рывком заставил подняться и ухватил рукой за горло.

– Ах, так ты посмел меня ударить?!

Он отвесил щенку здоровенную оплеуху, продолжая сжимать пальцы на тощем горле, отчего мальчишка глухо захрипел. Он из последних сил попытался вырваться, но не смог. Только когда вор ослабел настолько, что перестал сопротивляться, с глаз Грея спала кровавая пелена. Боже милостивый, он едва не удавил несчастного сопляка из-за какой-то лошади! Грей тут же отпустил свою жертву и встал на колени. Парень лежал не шевелясь и не открывая глаз.

– Черт побери, ну скажи хоть что-нибудь! Слава богу, я не успел тебя прикончить – вон, видно, как ты дышишь! Предупреждаю, тебе лучше очухаться прежде, чем ты окажешься в Ньюгейтской тюрьме!

Мальчишка ответил не сразу. Сперва он слабо пошевелился, потом приподнялся и осторожно ощупал свои ребра. Наконец он хрипло произнес:

– По-моему, там что-то сломано!

– Неправда, я не мог повредить ни одну из твоих чертовых костей – хотя ты это вполне заслужил! Подумаешь, получил пинка! Нечего хныкать! Давай вставай и держи себя в руках! За конокрадство тебе как раз полагается переломать все ребра – а я оставил их целыми! Считай это задатком за то, что успел натворить нынче вечером!

Вдруг Грей умолк, и в конюшне воцарилась мертвая тишина. «Ох, нет! – подумал он. – Только не это!» Заставив себя взять лампу, барон поднес ее к самому лицу воришки.

Негодяй попытался отвернуться, но Грей схватил его за руку и процедил:

– Ну и чертовщина! Ведь тебя зовут Джек, верно? Безумный Джек? И ты служишь лакеем у моих теток? Зачем же ты хотел увести у меня лошадь? Ну же, недоносок, отвечай, когда спрашивают! – Он замахнулся, собираясь еще раз ударить маленького мерзавца, как вдруг заметил, что уже и так расшиб костяшки пальцев. Ну надо же, как несправедливо – ободрался в кровь об этакую дрянь!

– Ну да, я Джек. – Вор резко отвернулся, и его вырвало прямо на солому. – И никакой я не безумный. Зря тетушки вам это сказали.

– Так или иначе, они тебя называли Безумным – и я, кажется, начинаю понимать почему. Они считают, что ты слишком энергичный, но почему-то ни словом не обмолвились о том, что ты к тому же еще и вор! – Присев на корточки, Грей достал из жилетного кармана носовой платок и сунул мальчишке в руки. – На, вытри рожу! Не хватало еще тащить такую грязную тварь до самого Ньюгейта! Если тетушки имели в виду подобные выходки, то ты действительно не в своем уме. Только сумасшедший может вообразить, что сумеет скрыться с ворованной лошастью.

Тем временем мальчишка кое-как вытер лицо и медленно поднялся. Но в следующий миг он неожиданным пинком опрокинул лампу, отчего в конюшне стало совершенно темно. Барон моментально вскочил, и тут же тяжелая лампа врезалась сзади в его череп, после чего он ничком повалился на землю и потерял сознание.

Грей не мог сказать точно, долго ли он пробыл без чувств – наверное, минуту или две. Придя в себя, он тут же приподнялся – и не сдержал болезненного стога. На какое-то мгновение ему показалось, будто его голову вовсе снесли с шеи. Тем не менее он сумел добраться до дверей и тут увидел, как, нещадно погоняя Дурбана, негодяй несется во весь опор по безлюдной улице.

Чертыхаясь, Грей мигом взнуздal Брюстера, но, пока он выводил жеребца на улицу, Дурбана и след простыл. Грей вскочил на коня и пустил его во весь опор, устремляясь вдогонку за вором.

Перед глазами у него все плыло, голова раскалывалась от боли, и он был готов на месте пришить этого наглеца Джека. Да, он именно так и поступит – свернет сопляку куриную шею, как только сможет до нее дотянуться! При мысли о столь скорой расправе ему стало немного лучше.

Но кто же этот чертов Джек на самом деле? С какой стати ему приспичило красть Дурбана? Кто такой сэр Генри Уоллес-Стэнфорд? И почему тетушки притащили парня с собой? Ладно, так уж и быть, Грей с удовольствием вернет им все, что останется от Безумного Джека после того, как он сам обменяется с ним парой слов!

Ночь выдалась довольно холодной, сквозь тучи едва проглядывало несколько тусклых звезд, а луны вообще не было видно.

Наконец Грей различил далеко впереди Дурбана – мальчишка так и приник к его мощной шее. Куда к чертям его понесло?

И без того малоприятный вечер закончился более чем отвратительно. Грей снова вспомнил про Чарлза Ламли, сперва валявшегося на полу своей спальни, а потом корчившегося над ночным горшком, в перерывах между приступами рвоты оглашая воздух клятвенными заверениями никогда больше не обижать свою жену. Затем его мысли перескочили на Джека и на то, что ждет маленького нахала, когда его настигнет справедливая кара. Весь нерастраченный гнев, вызванный мерзавцем Ламли, с легкостью обратился теперь на сопляка, посмевавшегося протягивать руки к красавцу Дурбану.

В этот час вокруг было пустынно, так что никому не было дела до двух бешено мчавшихся друг за другом всадников. Да и с какой стати кто-то должен был интересоваться ими?

Мальчишка почему-то не повернул там, где ожидал Грей. По его расчетам, он скорее всего должен был направляться в Фолкстоун, то есть на юг, а Дурбан неся во весь опор прямо на запад от Лондона. Что бы это могло значить? Грей терялся в догадках. Вот уже за их спиной исчез затянутый пеленой тумана Гайд-парк, в котором силуэты деревьев слились в темную бесформенную массу.

Туман становился все гуще, и через несколько минут барон совсем потерял Дурбана из виду. Но нет, вот он опять! Грей едва успел различить, как конь и всадник промелькнули на повороте. Дурбан летел во весь опор, молотя копытами по земле, – в резвости он не уступал Брюстеру и к тому же имел хорошую фору.

Нет уж, черта с два! Рано или поздно мальчишке придется поехать медленнее – не железный же он, в конце концов! Даже Брюстер не в силах без конца выдерживать такую гонку – ни один нормальный конь ее не вынесет. Грей видел, что беглец то и дело с тревогой оглядывается назад. Наверное, Джек еще не успел заметить погоню. Тем вернее было то, что он скоро решит придержать Дурбана и поедет медленнее, чтобы сохранить силы коню. Пока же всадник и конь неслись по дороге на Ридинг, слившись в единое целое в неистовом, стремительном порыве. Грей понимал, что, если Джек свернет с главного тракта, погоня скорее всего кончится ничем – ночь выдалась слишком темной, и разыскать его в этом случае будет практически невозможно. Если уж ловить воришку, то ловить сейчас, иначе он уйдет – и что прикажете тогда Грею делать? Явиться к теткам и доложить: «Тетя Матильда, тетя Мод, ваш лакей украл жеребца из моей конюшни, но я упустил его по дороге на Ридинг. Вам не приходит в голову, зачем он мог это сделать и почему его понесло по этой дороге? Может, он поспешил удрать из-за пронырливого сэра Генри Уоллеса-Стэнфорда, пытавшегося его отыскать?»

И правда, какого черта щенка понесло в Ридинг? Или он направлялся дальше, в Бат? Но разве лакей Джек родом не из Фолкстоуна, как и его престарелые хозяйки?

– Брюстер, – проникновенно произнес Грей, обращаясь к своему жеребцу, – наш Дурбан угодил в лапы к коварному Джеку, и это не доведет до добра, потому что я понятия не имею, чего он хочет. Может, этот маленький паршивец и правда не в своем уме? Представляешь, только этого мне не хватало – проклятого безмозглого лакея у меня в доме. Безумный Джек. Теперь-то нам про него все ясно, верно? А может, он втерся в доверие к тетушкам в надежде украсть мое серебро? В любом случае мы должны поймать его и вернуть Дурбана домой! Ты ведь можешь скакать еще быстрее, правда, малыш?

Брюстер неспроста имел полное право гордиться своей родословной – это был настоящий скаковой конь с сердцем бойца. Напрягаясь каждым мускулом, он вытянулся в струнку и понесся так, что удивил даже собственного хозяина, лично тренировавшего его четыре года назад.

В темноте Грей едва не потерял Дурбана из виду и громко выругался по этому поводу, но вскоре он снова различил впереди силуэт беглеца. Судя по всему, Джек уже давно мчался куда

глаза глядят, не разбирая дороги. Но если он действительно заблудился, то почему бы тогда ему попросту не остановиться и не оглядеться вокруг?

«Потому что знает наверняка, что я его поймаю, вышибу из него мозги, а то, что останется, сдам властям. Между прочим, неплохая идея. Ну что ж, сопляк достаточно прозорлив – по крайней мере когда речь идет о своей собственной шкуре!»

Было уже около двух часов ночи. В воздухе совсем похолодало, и начал накрапывать дождь. Ну вот, только этого ему не хватало, подумал Грей, зябко ежась. По-видимому, Брюстеру перемена погоды тоже не доставила особого удовольствия – он сердито заржал и вытянул шею.

Грей чертыхнулся, не зная, что предпринять. Одна мысль не давала ему покоя: «Кто же такой этот проклятый Джек?»

Они миновали очередной поворот. Барон надеялся снова увидеть Дурбана, но не тут-то было – и конь, и всадник куда-то испарились. О, этого просто не могло быть! Грей проехал еще с милю, прежде чем ему окончательно стало ясно, что Джек свернул с главной дороги. Заставив Брюстера остановиться, неудачливый преследователь долго сидел под дождем, постепенно замерзая, но по-прежнему пытаясь придумать что-нибудь дельное. Ничего не попишешь, решил он в конце концов, придется вернуться в Лондон.

И тут Грей заметил уходившую в сторону от дороги тропинку. Возможно, Джек воспользовался именно ею. Не раздумывая больше, Грей поскакал вперед.

Он так вымотался, промок и устал, что успел изрядно подрастерять свой праведный гнев, да и Брюстер тоже выказывал признаки утомления. Нужно было немедленно что-то предпринимать.

Тут вдруг Грей услышал знакомое ржание.

Он склонился к Брюстеру:

– Слышишь, это же наш Дурбан! Что скажешь, дружище? Ты мог бы его отыскать?

Конь вскинул красивую породистую голову и громко заржал. Ему тут же ответили. Дурбан был где-то совсем близко, скорее всего слева от тропы. Только теперь Грей сумел разглядеть в тумане жалкий остов старого сарая, стоявший на самой обочине дороги, у ячменного поля. Поблизости не было заметно никаких других признаков жилья – видимо, от бывшей фермы уцелело одно только строение, да и тем не пользовались уже лет пятьдесят, не меньше.

Дождь, и без того ливший как из ведра, припустил еще пуще, хотя минуту назад Грею казалось, что такое попросту невозможно. Барон едва различал дорогу в трех футах впереди себя, но, на его счастье, Брюстер сам, не дожидаясь команды, осторожно свернул с тропинки и побрел по полю, старательно перешагивая через разбросанные повсюду острые камни. В конце концов он попросту ввалился под навес, легко проломив ветхую деревянную стену.

По крайней мере этому маленькому паршивцу, Джеку, хватило ума укрыться в сарае и пересчитывать синяки на ребрах, не торча под дождем, отчего-то подумал Грей.

Дурбан снова заржал, и барон прищурился, напряженно вглядываясь в темноту. Потом он кое-как сполз со спины Брюстера и сразу почувствовал, что после бешеной скачки на протяжении добрых пяти миль ноги окончательно отказываются ему служить. Едва удержавшись от падения, Грей заковылял внутрь, ведя Брюстера за собой. Сарай мог служить хоть каким-то укрытием, даже несмотря на то что влага свободно проникала внутрь через множество дыр в старой крыше.

И вдруг дождь как-то разом прекратился. Просто перестал лить – и все. Ну что ж, это уже было неплохо.

– Джек! – окликнул барон. – Куда ты подевался, болван?

Ни звука в ответ.

Грей снял с Брюстера уздечку и подвел его к Дурбану, привязанному полуистлевшим обрывком веревки в дальнем углу сарая, куда меньше всего попадала вода, и теперь спокойно

жевавшему прошлогоднюю солому, словно и не было только что этой безумной гонки под дождем. Оставив лошадей, усталый всадник заковылял в другой угол сарая, где крыша, по-видимому, еще оставалась почти целой.

– Джек!

Тишина. Грей выругался и продвинулся еще дальше. Наконец ему все же повезло – глянув под ноги, он заметил копну светлых спутанных волос, торчавшую вверх, словно кочан капусты. Видимо, в попытке уберечь хотя бы каплю тепла беглец зарылся в солому по самый нос. Больше того, он даже умудрился заснуть в столь нелепой позе.

«Вот тебе на! Дрыхнет себе, как младенец, пока я ношусь за ним сломя голову под дождем!»

Грей опустился рядом с мальчишкой на колени. Близился рассвет, и в сарае уже стало довольно светло. Барон отдернул в сторону пук соломы и потряхнул воришку за плечо. В тот же миг сквозь щель в дырявой стене сумрак пронзил острый луч солнечного света...

Грей так и застыл на месте. Он даже слегка ушибнул себя, не веря собственным глазам.

– О господи, ну кто бы мог подумать! Оказывается, ты такой же Джек, как я – король Испании! – Убрав солому с бледного лица, Грей наклонился, разглядывая чудосочное создание, которое совсем недавно чуть не оставил лежать бездыханным на полу своей конюшни. – Черт побери, так ты девчонка! И я тебя чуть не пришиб! Впрочем, ты посмела украсть мою лошадь! Зачем, хотелось бы мне знать? И кто ты, черт побери, такая?

Однако ответом ему был лишь неясный стон...

Глава 5

– Эй, давай просыпайся! – Грей легонько похлопал беглянку по щекам. – Ну же, открывай глаза!

Однако девушка лишь жалобно стонала и отворачивала от Грея лицо. Она была совершенно мокрой, и барон вряд ли мог ей чем-то помочь, поскольку сам вымок до костей, а единственная имевшаяся в его распоряжении одежда болталась на этих самых костях.

Он пощупал лоб и щеки девушки. Вроде бы лихорадки не было. Тогда Грей заговорил снова, наклонившись к самому ее уху:

– Послушай, мне это не нравится! Я вынужден был скакать за тобой как сумасшедший, чтобы вернуть Дурбана, а теперь у тебя хватает наглости корчить из себя больную! Мало того, что ты оказалась девицей, так теперь я еще должен за тобой ухаживать! Ну же, очнись, наконец!

Она заставила себя поднять веки. Это было очень мучительно, но в конце концов она все же открыла глаза. Поначалу ей почудилось, будто она слышит голос отчима, но тут же ей стало ясно, что она ошиблась. Конечно, это был барон Клифф. Девушка с трудом сосредоточила взгляд на его лице, маячившем где-то совсем близко. Кажется, он был очень чем-то встревожен. Интересно, чем именно?

Неожиданно по ее телу прошла судорога.

– Меня сейчас вырвет, – призналась она, и в следующий миг сильные руки подхватили ее и перевернули. Она сделала несколько коротких судорожных вдохов и закашлялась. Нет, тошнить ее не будет, потому что нечем. Она шумно сглотнула и перевела дыхание. – Я хочу, чтобы тетушки ничего об этом не узнали. Пожалуйста, не говорите им...

– Какого черта! Мало того, что их лакей оказался вором и женщиной одновременно, так я еще и должен молчать! Ну уж нет! Ты скажешь мне в конце концов, что это значит? Кто ты такая, черт бы тебя побрал?

– Перестаньте чертыхаться!

Тупая боль пульсировала в челюсти и в виске, покрытые синяками ребра ныли, и сейчас ей больше всего хотелось просто закрыть глаза и повалиться обратно на солому. Она здорово замерзла, и именно это было хуже всего – хуже разбитых ребер, хуже мучительной тошноты, скрутившей желудок. Она продрогла до костей и не имела представления, как ей согреться.

– Мне холодно, – сказала она, сердито глянув на Грея. – Вы не могли бы раздобыть хоть какое-нибудь одеяло?

– Между прочим, я продрог не меньше, чем ты! И где, по-твоему, в такой дыре может отыскаться одеяло? Ты хоть соображаешь, куда нас занесло?

– Это Дурбан привез меня сюда. Мы в каком-то старом сарае сейчас и, наверное, чуть-чуть не доехали до Фолкстоуна.

– Ладно, – неожиданно сжалился Грей, – давай-ка я лучше снова укрою тебя соломой.

В это время еще один солнечный луч упал на стену сарая, и барон замер.

– А ведь дождя-то больше нет! Хотя это хорошо. А теперь слушай. Я не имею понятия, где именно мы находимся, но одно знаю точно: Фолкстоуном здесь и не пахнет. Скорее всего мы сейчас далеко к западу от Лондона.

– Да нет же, мы скакали по южной дороге!

– Если бы ты родилась мужчиной, то, возможно, лучше угадывала направление. Но ты никакой не мальчишка, а чертова девчонка и гнала бедного Дурбана во весь опор по западному тракту! Мы где-то возле дороги на Ридинг или еще дальше...

– О господи! – простонала девушка и зажмурилась. Но тут же она снова взглянула на Грея и беспомощно заморгала. – Неужто мы и в самом деле так далеко от Фолкстоуна?

– Боюсь, что так. Тебе еще повезло, что я погнался за тобой, потому что, не будь мужчин, женщины не смогли бы отыскать дорогу даже к собственному дому! Ну а теперь снимай с себя все – я повешу твои вещи сушиться. Другого выхода я все равно не вижу, так что давай пошевеливайся. Может, тебе помочь?

– Лучше просто отвернитесь.

Грей хмыкнул, однако не стал спорить.

– Пожалуй, я тоже разденусь.

Он поднялся с колен и тут же услышал, как за его спиной раздался сдавленный стон. Обернувшись, барон увидел, как девушка беспомощно покачнулась, но не успел подхватить ее. Несчастная снова рухнула на солому. В ответ на извергаемый им поток брани Брюстер испуганно заржал.

– Вы опять чертыхаетесь.

– А что я еще могу делать в таких обстоятельствах? Любой поступил бы так же на моем месте. Ничего себе, веселенький выдался вечерок! Безумный лакей моих теток украл мою лошадь, я его догнал – а он оказался девчонкой. Да в довершение всего еще и нездоровой! – Тут Грей звонко хлопнул себя по лбу. – Подумать только, скоро наступит новый день, а я все еще не пришел в себя после этого мерзкого вечера!

– А разве вечером что-то случилось?

Она лежала на боку, не шевелясь, чтобы не вызвать лишним движением повторение острой боли в ушибленном ребре и тошнотворную ломоту где-то в затылке. Ей уже не было так холодно – скорее всего не оттого, что она согрелась, а оттого, что все чувства ее притупились. И он еще хочет, чтобы она думала о каком-то его дурацком вечере!

– Наверное, ваша любовница нашла себе нового хозяина?

– Вот как! Стало быть, ты еще не до конца растеряла свои колючки! Можно подумать, тебе что-то известно о любовницах и мужчинах, которые их содержат.

– Ха, где же тут секрет? Всем известно, что на этом свете так заведено. – Она осторожно попыталась приподняться. Как ни странно, ей это удалось, несмотря на то что к горлу по-прежнему подступала тошнота, а холодная одежда липла к телу. – Но это неправильно. Мужчины, которые не верны своим клятвам, не заслуживают любви.

– Зато их могут любить такие же неверные женщины, – быстро парировал барон. – Эй, уж не хочешь ли ты снова грохнуться в обморок? – поглядев на девушку, с досадой воскликнул он. – Пожалуй, больше от тебя нечего и ждать – ведь ты женщина! Хотя... тебе удалось взять надо мной верх дважды за эту ночь – не могу понять почему.

– Мужчинам дано чутье, а женщинам – мозги, ну и еще капелька удачи. А теперь я собираюсь встать и снять с себя эти жуткие тряпки. Да, я намерена сделать это сию же минуту. Может, вы хоть теперь отвернетесь? Вот, спасибо.

– Когда разденешься, я осмотрю твои ребра, – пробурчал Грей.

– Нет уж, вы не сделаете этого, милорд. Только попробуйте – и я снова сшибу вас с ног.

Барон так и покатился со смеху:

– И я должен выслушивать такое в этой Богом забытой дыре! Ну ладно, по крайней мере хоть дождь перестал! Послушай, Джек, или как тебя там...

Грей обернулся и во все глаза уставился на девушку, застывшую перед ним в одной нижней сорочке, едва доходившей ей до колен. Густые светлые волосы рассыпались по ее плечам и груди, и в этот момент она показалась Грею до того неотразимо женственной, что бедняга мигом забыл о своем вопросе и снова резко отвернулся.

– Брось свою одежду сюда, поближе ко мне, а сама заройся в солому как можно глубже, – поспешно произнес он.

Барон и сам разделся до пояса и уже было собрался расстегнуть штаны, но вовремя спохватился и сердито покачал головой; потом подобрал всю снятую ими одежду и вышел из сарая,

а она осталась лежать на соломе, трясясь как осиновый лист и пытаясь угадать, что же с ней будет дальше.

– Ну вот, теперь можно заняться твоими ребрами, – раздался над ее головой сердитый голос.

Не тратя больше времени на слова, барон опустил перед ней на колени. Джек слабо ойкнула, и Грей недовольно заглянул ей в лицо:

– Что еще случилось?

– На вас нет рубашки... Я никогда не видела голую мужскую грудь.

– Не будь занудой! – Грей произнес эти слова почти зло, но про себя он все же не мог не улыбнуться. – Сама вырядилась лакеем Джеком, спряталась в каком-то древнем сарае – а теперь изволишь хныкать оттого, что я имел неосторожность раздеться до пояса? Не нравится – не смотри!

Он решительно развязал ворот на ее сорочке и раздвинул тонкий батист, чтобы добраться до ребер. Сразу это ему не удалось, и он отодвинул батист еще дальше, обнажая грудь. От удивления и неожиданности девушка лишь широко распахнула глаза и мгновение молча смотрела на него, не зная, что предпринять; но тут же ее тонкая рука поднялась, словно пытаясь защитить открывшиеся прелести. Усмехнувшись, барон осторожно отвел руку Джек в сторону. Она лишь вздохнула в ответ, бессильно зажмурилась и прошептала:

– Я не зануда!

– Вот и отлично. – Грей осторожно, самыми кончиками пальцев, ощупал нижнее ребро, кожа над которым была разукрашена в яркие оттенки желтого и лилового. Его пациентка попыталась отодвинуться и тут же застонала от острой боли.

– Пищи сколько хочешь, но не дергайся. Посмотрим, что у нас здесь. – Барон окончательно раздвинул края сорочки, и сразу в глаза ему бросились напряженные, приподнятые соски. Черт побери, просто удивительно, как мужчина может завестись в одно мгновение от одного вида женской груди! Впрочем, надо отдать ей должное, грудь смотрелась более чем соблазнительно. Нет, хватит, он собирался осмотреть ребра, которые пострадали от его пинков, а не любоваться симпатичными женскими сиськами.

Она по-прежнему лежала на соломе, страдая от боли и холода, пока он ощупывал ей ребра, плечи, живот, и невольно думала, что лучше уж смотреть на него, поскольку все равно не удастся лежать, зажмурив глаза. Хорошо еще, что барон вел себя так, словно перед ним и вправду был лакей Джек.

Тщательно осматривая ушибы на ее ребрах, Грей провел пальцами по самому болезненному месту, и Джек пришлось прикусить губу, чтобы не закричать. Но тут он нажал еще сильнее, и девушка охнула.

– Прости. – Грей на миг поднял взгляд. – Постарайся не двигаться. Я должен разобраться, нет ли трещин. Слава богу, вроде бы все обошлось, вот только боюсь, что в ближайшие две недели из тебя будет плохая партнерша для котильона. – Он выпрямился и быстро поднялся на ноги. – Что ж, это заслуженное наказание – ведь ты украла у меня старину Дурбана, моего верного коня, на котором я ездил с четырнадцати лет. Между прочим, тебе еще повезло, что он не сбросил тебя. Стоит ему заметить одуванчики – не важно где, пусть даже на обочине дороги, сплошь запруженной каретами, – и он непременно постарается до них добраться. Для Дурбана одуванчики вкуснее амброзии. Он становится как шальной и не слушает всадника. Тогда тебе ничего не остается, как смириться и подождать, пока он не наестся до отвала, зато после этого он готов скакать куда угодно. Ну, что уставилась? – Барон нахмурился. – Не надейся, что я стану тебя жалеть и уж тем более извиняться. Готов поспорить, тетушки и понятия не имели о том, что у тебя на уме, верно?

– Они слишком хорошо меня знают. Если они дадут себе труд как следует напрячь мозги, то мигом все сообразят. К тому же я оставила им письмо.

– Черт! – Барон недоверчиво уставился на ее спокойное бледное лицо. – Ничего себе шуточки! Впрочем, чему тут удивляться? В конце концов, никогда невозможно предугадать, что взбредет в голову женщине. Ладно, давай выкладывай, как тебя зовут, да побыстрее.

Грей старательно отводил глаза в сторону, но они вновь упорно возвращались к ее обнаженному телу, и он ничего не мог с собой поделать.

Девушка побледнела еще сильнее, но по-прежнему молчала.

– Наверное, твои хозяйки переделали в Джека имя Жаклина?

Она отрицательно помотала головой.

– Но кто же ты тогда? Дженнифер? Джасмин?

– Меня зовут Уинифред Леверинг, и я ужасно замерзла.

– Уинифред? А при чем здесь Леверинг?

– Мою бабушку звали Уинифред, ее родня носила фамилию Леверинг. Это была бабушка с отцовской стороны. Мой отец просто обожал свою мать, и теперь мне приходится расхлебывать последствия этой любви.

Чертыхнувшись, барон затянул ворот на ее сорочке и поспешил навалить сверху побольше соломы.

– Ну а как звучит твоя собственная фамилия?

Девушка покачала головой, и от этого у нее сразу заломило челюсть; но она не подала и виду и твердо заявила:

– Я не желаю вам об этом говорить. Если вы узнаете, то все пропало.

– Что еще пропало? – Грей укутал ее соломой по самый подбородок.

– Наверное, мне вообще не следовало пускаться с вами в разговоры. Моя фамилия – Макгрегор.

– Врать ты умеешь еще хуже, чем воровать. Я готов поверить в Уинифред Леверинг – хотя бы потому, что, во-первых, такое жуткое имя трудно выдумать нарочно, а во-вторых, оно совершенно тебе не подходит, от него даже делается горько во рту. Вот почему я не сомневаюсь, что именно так тебя и зовут. Но тогда при чем тут Макгрегор? Я же просил говорить только правду!

Она обреченно вздохнула. Ну почему она сразу не придумала себе такое имя, которое не вызывало бы подозрений? Меньше всего на свете ей хотелось говорить правду. Кто знает, что на уме у этого странного барона. Вдруг он возьмет да и вернет ее прямо к отчиму!

– Мне нужно ехать!

Грей ясно услышал отчаяние в ее слабом голосе.

– Замечательная идея, – процедил он сквозь зубы. – Как только твои вещи просохнут, я отвезу тебя в Лондон и сдам теткам с рук на руки. Не сомневаюсь, что после этого они с охотой расскажут мне все, что я пожелаю узнать, а заодно сами разберутся в твоих выходках. Правда, до сих пор им этого не удавалось, и поэтому мне их искренне жаль, вот и все.

– Тетушки – чудесные старушки! Они сделают все, чтобы меня защитить, и уж точно не станут вам ничего рассказывать!

– Ладно, это мы еще посмотрим. Между прочим, я тоже продрог до костей. – Устав препираться, Грей устроился рядом с девушкой и принялся нагребать на себя сверху солому. – Вчера вечером я вернулся домой, мечтая пропустить стаканчик бренди и улечься в постель, чтобы во сне увидеть что-нибудь приятное, а теперь вместо этого должен мерзнуть в куче гнилой соломы. И все из-за тебя!

Он с отвращением покосился на свою соседку и только тут заметил, что она беспрерывно чешется.

– Вот дьявол! Из-за этой проклятой соломы ты, того и гляди, сдерешь с себя всю кожу!

Неохотно поднявшись, он скинул с девушки солому и принялся затягивать ворот ее сорочки, при этом ненароком скользнув пальцами по ее груди.

Она так и обмерла от ужаса.

– Ох, ради всего святого, не дергайся! Я не какой-нибудь чертов насильник!

– Перестаньте чертыхаться.

– Любой зачертыхается, если его заставить валяться на соломе в заброшенной развалюхе, да еще при этом терпеть общество девицы по имени Унифред Леверинг! Лучше лежи и не дергайся.

Повозившись еще немного, Грей наконец с удовлетворением оглядел результат своей работы.

– Вот, теперь ты укрыта как надо. Ну и видок у тебя...

Он расстроено нахмурился, осторожно пощупал ссадину у нее на виске и помрачнел еще больше.

– Не люблю, когда женщины ходят в синяках. Честно говоря, просто ненавижу. – Он нагреб еще один ворох соломы и улегся рядом.

– А у вас было много любовниц? Вы так ловко управились с застежкой на моей сорочке, как будто проделяваете это каждый день.

– Я всегда готов оказать женщине маленькую услугу. Отлично помню, как расстегнул женскую сорочку в первый раз. Все вышло быстро и ловко, не хуже, чем сейчас.

Его речь звучала спокойно и рассудительно, однако Джек не могла ни в чем быть уверена до конца. Те двое мужчин, с которыми ей приходилось иметь дело прежде, вовсе не напоминали порядочных джентльменов и никогда не внимали голосу рассудка и чести.

– Может быть, – нерешительно начала она, – вы просто отвезете меня обратно в Лондон? Там я отлежусь и приду в себя. Тетушек я сумею убедить, что ничего страшного не произошло, и мы просто забудем обо всем, ладно?

– А как только ты встанешь на ноги, то снова постарайся украсть у меня лошадь, так?

Увы, он был прав...

– Даже не пытайся мне врать, у тебя это все равно не выйдет. А теперь слушай: я уверен, что в твоих же интересах говорить только правду и предоставить мне решать, что делать дальше.

Ответом Грею было гробовое молчание.

– Что ж, отлично. Тогда расскажи, что ты знаешь про сэра Генри Уоллеса-Стэнфорда.

Барон приподнялся на локте, чтобы заглянуть в скрытое под соломой лицо, и ничуть не удивился, увидев, что девушка замерла, крепко зажмурив глаза.

– Ну что же ты, выкладывай, не стесняйся.

– Он очень нехороший человек.

– Это я и сам знаю. Даже Куинси и тот все понял с первого взгляда. Сэр Генри уже приходил и справлялся о тебе.

– О господи! Что он вам сказал?

– Что явился в Лондон по своим делам и решил проведать милых тетушек. А потом стал выпрашивать, нет ли с ними некоей юной особы...

– А вы – что вы ответили?

– Вряд ли лакея Джека можно было считать юной особой. Я ответил «нет». Не думаю, что он поверил, но так или иначе, ему ничего не оставалось, как только убраться восвояси. – Грей приподнялся на локте и стал выбирать солому из светлых спутанных волос девушки. – Ты уверяешь, будто никогда прежде не видела голую мужскую грудь, и из этого я могу заключить, что сэр Генри не является твоим мужем.

Она лишь застонала в ответ.

– Нет так нет. Значит, он твой отец?

– Мой папа давно умер! И вообще, нам нужно поскорее вернуться в Лондон, а то Матильда и Мод сойдут с ума от беспокойства.

– Ладно, всему свое время. А пока, поскольку мы оба укрыты соломой, я полагаю, что могу снять штаны.

Барон приподнялся, расстегнул брюки и, стянув их, снова улегся. Колкие стебли миглом вонзились в места, не подвергавшиеся столь жестокому обращению с тех времен, когда ему было пятнадцать и он занимался любовью с очаровательной Флоренс Доббинс на песке среди дюн в Торки.

– Ну, как ты теперь себя чувствуешь? – решив не обращать внимания на неприятные ощущения, произнес он. – Если день будет солнечным, наша одежда высохнет уже через пару часов.

– Теперь мне хорошо...

Услышав странные нотки в ее голосе, Грей заглянул девушке в лицо и только тут обнаружил, что оно все мокрое от слез.

Глава 6

Не раздумывая, барон разворошил солому и привлек беглянку к себе. Ее легкое тело так и обдало его жаром – это казалось тем более удивительным, что совсем недавно она дрожала от холода.

Грей почувствовал, как она напряглась в его объятиях, словно девственница, угодившая в публичный дом. Впрочем, чего еще ему следовало ожидать? Он обнял ее еще крепче, так что щека девушки оказалась прижатой к его плечу. Разумеется, Грей не мог не заметить, какая нежная у нее кожа. Он осторожно погладил светлые волосы.

– Нечего реветь. Ты сама виновата в том, что мы оказались в таком идиотском положении.

– А зачем вы гнались за мной? Неужели нельзя было просто позволить мне ненадолго взять у вас Дурбана? Я бы обязательно его вернула.

Грею тут же захотелось надрать ей уши, но он кое-как сдержался и лишь чертыхнулся в очередной раз.

– Моя мама никому не позволяла ругаться. Однажды в детстве я сказала «проклятие», и меня за это заставили съесть целую тарелку репы без соли и без масла. После этого я возненавидела репу на всю оставшуюся жизнь.

– Репа, вот как? Ну что ж, во всяком случае, это не так ужасно, как рот, вымытый с мылом. Насколько мне известно, таким образом детей чаще всего наказывают за ругательства. Похоже, ты уже согрелась, да и я тоже. Остается только дожидаться, пока высохнет наша одежда.

– А что потом?

– Потом мы вернемся в Лондон.

– Кажется, вы не такой уж страшный, – сказала Джек и отчего-то вздохнула. – Я о вас знаю только со слов тетушек, а они и сами не уверены, хороший вы человек или негодяй. И вы совсем голый. Я чувствую ваши ноги, они ужасно волосатые.

– Ладно, хватит болтать, постарайся лучше вздремнуть. И запомни: я вовсе не негодяй. Я честный, порядочный человек, и валяться нагишом на соломе в обнимку с незнакомыми девицами отнюдь не является моей привычкой, можешь мне поверить.

– Вот этого-то я до сих пор и не знаю – можно вам верить или нет. И тетушки не знают. Но зато ваш отец им очень не нравится.

– Мне тоже. А теперь спи, нам еще предстоит обратная дорога.

Через пять минут барон сам уже начал сонно посапывать.

Ей никогда не приходилось лежать в объятиях совершенно голого мужчины. Ощущение было довольно странное, и к тому же она не знала, что ей теперь делать. Однако, немного поворочавшись, девушка в конце концов тоже уснула, сморенная усталостью.

Когда Джек проснулась, то обнаружила, что лежит одна, закутанная в солому, как рыба в магазине. Широко раскрыв глаза, она принялась оглядываться, но прошла, наверное, минута, прежде чем ей удалось наконец сообразить, где она находится. Девушка тут же попыталась приподняться, однако от слабости у нее потемнело в глазах, и она вынуждена была снова лечь. Затаив дыхание, она дождалась, пока это пройдет. Наконец взгляд ее прояснился, и тогда она увидела, что Грей как ни в чем не бывало сидит не далее чем в шести футах от нее и натягивает жилетку.

– Значит, наша одежда уже высохла?

Барон повернул голову и улыбнулся. Она в первый раз видела его улыбку. Сказать по правде, такая улыбка никого не оставила бы равнодушным. Если бы она не подозревала в нем волокиту и бабника, то запросто могла бы сказать, что он улыбается лучше всех на свете.

– С одеждой все в порядке. Осталось выяснить, как ты себя чувствуешь.

– Слава богу, голова вроде перестала кружиться.

Она ощупала себя сверху донизу и убедилась, что боль в тех местах, где на теле ее остались синяки, действительно была уже не такой сильной.

– Все остальное тоже неплохо, но мне бы не хотелось ехать в Лондон – разве что ради того, чтобы оставить там вас с Брюстером. Потом я должна буду вернуться на ту дорогу, по которой наверняка доберусь до Фолкстоуна.

– И не надейся, – буркнул Грей. Он, по всей видимости, гораздо больше был озабочен состоянием своего жилета, нежели ее попыткой убедить его дать ей свободу. Подойдя к Джек, он бросил на солому ее тряпье: – Одевайся, а я пока напою лошадей.

Она едва успела управиться со штанами, как Грей, вернувшись в сарай, возвестил:

– Солнце сияет веселее, чем женщина, которая получила в подарок от любовника бриллиантовое кольцо!

– Никогда не слышала таких сравнений.

– Иногда и я становлюсь поэтом. – Барон смерил ее насмешливым взглядом с головы до ног и, усмехнувшись, тут же подвел итог своим наблюдениям: – Ну и чуело!

– Сами-то вы не лучше.

– Да, пожалуй, сейчас нам не стоит рассчитывать на теплый прием в светских гостиных! Но по крайней мере на моей физиономии нет такого количества синяков и ссадин – в отличие от твоей. Как бы там ни было, нам давно уже пора подкрепиться, а, по моим расчетам, где-то здесь неподалеку должна быть премиленькая деревушка с таверной.

«Жирная гусыня» была самой роскошной таверной в Гриндл-Эббот; фасадом она выходила на главную площадь и даже имела свой дворик, ограниченный двумя рядами старых дубов и небольшой конюшней. Поскольку ей уже исполнилось не меньше трехсот лет, выглядела она довольно ветхой, однако все еще умудрялась сохранять остатки былой роскоши в виде крутой крыши, крытой черепицей, и множества застекленных окон, отмытых до блеска. Что касается общей залы, то она была довольно тесной – в ней помещалось всего четыре квадратных столика со скамьями, обглоданными древесным червем.

Дородный хозяин в засаленном переднике, подойдя к Грею и его спутнице, довольно небрежно поинтересовался:

– Что будете заказывать, парни?

– Будь добр, принеси чего-нибудь поесть, – смиренно попросил барон, – мне и моему брату.

– И побольше, пожалуйста! – не удержавшись, вставила Джек, стараясь говорить не слишком писклявым голосом.

– Смотри-ка, кто это тебе рожу-то так разукрасил? – Хозяин не спеша почесал свое огромное пузо. – Братец, поди, поучил уму-разуму?

– Хватит болтать, – отрезал Грей. – Неси еду, да побыстрее – мы ужасно голодны.

– Ладно, нечего кипятиться! – Хозяин таверны снова внимательно посмотрел на тщедушную оборванную фигурку одного из гостей. – Сейчас попросим миссис Харботтл приготовить чего пожирнее. Свиные отбивные – вот что мигом поставит вас на ноги.

В очередной раз почесав живот, трактирщик направился на кухню.

– Что такое? – спросил Грей, заметив, как девушка смотрит ему вслед.

– Этот тип ведет себя ужасно нагло. И с чего он взял, что свиные отбивные поставят меня на ноги? – Она вздернула подбородок. – Похоже, нам вообще не стоило сюда соваться. Тетушки вряд ли это поймут. Как можно было ради еды так унижаться...

– А что прикажешь мне делать? Сказать хозяину, что я барон, чтобы он сперва ползал передо мной на брюхе, а потом ободрал меня как липку?

– Ох, нет! – Она засмеялась. – Боюсь, в этом случае он уже никогда не сможет подняться с пола! Да, я совсем забыла – нам хватит денег, чтобы заплатить за еду?

– Если ты не станешь слишком жадничать, то бояться нечего.

– Ну слава богу, а то для барона вы слишком оборванный и грязный. – Она хихикнула в ладошку, и Грей заметил, как мужчина, пивший эль за столиком в углу, брезгливо поморщился.

– Веди себя осторожнее. – Он наклонился почти к самому ее уху. – Мальчишки никогда не хихикают, а также не стреляют глазами направо и налево. Лучше вообще не поднимай головы и не открывай рта.

Грей и в самом деле сильно опасался, что ни один мужчина в здравом рассудке не примет ее за мальчишку. Стоит любому только посмотреть повнимательнее, и ему сразу все станет ясно.

Тем временем хозяин принес жареного цыпленка, здоровенную свиную отбивную, несколько ломтей теплого хлеба и две кружки эля. Спутница Грея тут же набросилась на цыпленка; она даже не подождала, пока толстяк отойдет от их стола.

– Боже, никогда в жизни не ела такой вкуснятины! – сказала она, дочиста обгладывая косточки. – Честно говоря, я даже не предполагала, что цыплята могут быть такими нежными. А вот эта жирная подметка, наверное, и есть свиная отбивная? – Девушка решительно перекинула свинину на тарелку Грея. – Если мне так необходимо есть эту штуку, чтобы встать на ноги, то уж по крайней мере не всю сразу!

Барон засмеялся и, взяв в руки вилку и нож, принялся резать отбивную.

Сам он легко справился с тем, что было на его тарелке. Тем временем она лихо сделала большущий глоток из кружки с элем и тут же вытерла губы рукой, чем привела Грея в неописуемый восторг.

– Если бы ты не была такой чертовски хорошенькой, я бы даже на этот раз поверил, что ты мальчишка, – уж очень ловко ты вытираешь рот.

– Так же сделал Реми, после того как поцеловался с горничной и вдруг услышал шаги Куинси. Понимаете, Реми очень мужественный. И я решила, что если вытру рот рукой, то буду выглядеть в своей роли более убедительно.

– Ну что ж, только не переборщи – эль довольно крепкий. Ого, да ты уже выдула почти всю кружку. Вот отчего у тебя и глаза смотрят в разные стороны!

– Ничего подобного! – Она готова была согласиться, что у нее чуть-чуть кружится голова, но это было приятное, легкое чувство, а вовсе не та одурь, от которой человек способен упасть прямо на грязный ободранный пол.

Старательно сосредоточив взгляд на столе, она обнаружила, что на тарелке остался последний ломоть хлеба, и схватила его, пока им не завладел Грей.

Но барон и не думал состязаться с ней в ловкости. Он с довольным видом откинулся на стуле и скрестил руки на животе.

– Надеюсь, теперь-то ты наелась, а то нам уже пора возвращаться. Может, по дороге ты смилостивилась настолько, что признаешься, кто ты такая и зачем нужно было красть у меня Дурбана, а потом мчаться на нем в Фолкстоун. Если же ты ничего мне не расскажешь – ну что ж, мне придется просто сказать тетушкам, что я раскусил вашу игру, и послать Куинси за сэром Генри Уоллесом-Стэнфордом.

– Ох нет, только не это, Грей! Вы не можете так со мной поступить! – Тут Джек растерянно заморгала и, как-то странно наклонив голову, хлопнулась без чувств, уткнувшись носом в свою пустую тарелку.

Несколько секунд Грей молча смотрел на девушку, затем молитвенно поднял глаза к закопченному потолку таверны и трагическим голосом произнес:

– Боже, ну почему именно я?

Как выяснилось позже, девушка не была пьяна. Очевидно, ее терзала болезнь, и от этого барон до смерти перепугался... и разозлился. Мало он для нее сделал? Он даже накормил ее до отвала, а теперь у нее открылся жар и она сгорала в лихорадке. Вялая и беспомощная, она

выглядела не лучше, чем ее нелепые штаны, висевшие в настоящий момент на спинке кресла, способного соперничать в возрасте с самими тетушками.

Грей не спускал глаз с маленького человечка, стоявшего возле кровати. Ростом едва ли выше Джека и почти совершенно лысый, все же он выглядел довольно опрятно – что не могло не радовать. Когда Харботтл, хозяин таверны, привел его в номер, Грей почувствовал несказанное облегчение.

– Милорд, – начал доктор Хайд, которому ничего не стоило распознать настоящего дворянина – ведь сам он являлся вторым сыном баронета, – этот подросток... эта девица... В общем, она серьезно больна, что видно всякому сведущему человеку. – Хайд нетерпеливо взмахнул маленькой и чрезвычайно белой рукой. – Если для вас дорога жизнь девушки, вам не следует ее сейчас тревожить.

Тут Хайд снова пощупал лоб больной, затем взял ее руку и принялся считать пульс. Наконец он заявил:

– Ваша протее выживет, если вы будете держать ее в тепле и постоянно поить водой. В противном случае у нее наверняка начнутся судороги, и тогда, милорд, она умрет. Вот укрепляющее питье, оно помогает от многих недугов, от лихорадки в том числе. Нынче вечером я загляну еще раз. Если вдруг ей станет хуже, пошлите за мной Харботтла.

Доктор Хайд многозначительно откашлялся, из чего барону стало ясно, что пришла пора расплатиться. Он вытащил из жилетного кармана пачку банкнот. Увы, денег оставалось слишком мало. Грей отдал их доктору и не двинулся с места, пока маленький человечек не покинул его номер – самый роскошный в таверне, как уверял мистер Харботтл.

Вдруг, словно что-то внезапно вспомнив, Грей чертыхнулся и опрометью кинулся вон. Он едва успел нагнать доктора Хайда в конце коридора:

– Не забудьте: вы лечили моего младшего брата. Его имя Джек! Это очень важно!

Доктор Хайд выразительно вздернул свой длинный острый нос и неохотно кивнул, давая понять, что слова барона благополучно дошли до его ушей.

Еще одну встряску Грею пришлось пережить ровно через час, когда его подопечная вдруг очнулась и, усевшись в кровати, безапелляционным тоном заявила:

– Если я не вызволю Джорджи, он поймет, что сможет использовать ее против меня. Тогда уж точно все пропало!

Проговорив эти загадочные слова, девушка рухнула на постель и снова лишилась сознания. Теперь ее бил озноб, и Грей, скинув одежду, улегся с ней рядом. Ее нижняя сорочка промокла от пота. Кое-как он стащил проклятую сорочку, умудрившись при этом не порвать ее, и прижал к себе безвольное тело. Он пытался растереть ей руки, ноги, спину – куда только мог дотянуться.

– Успокойся, Джек, – тихонько приговаривал он, надеясь пробиться к затуманенному жаром рассудку. – Ты просто больна, но это ничего. Сейчас я тебя как следует согрею, и ты непременно поправишься. Представляешь, одна моя любовница боялась летней жары, потому что сильно потела, и вообразила, будто из-за этого я ее брошу. Глупо, правда? Никто другой до такого бы и не додумался. Ну, теперь дыши глубже и лежи смирно. Вот умница!

Тут он чуть не обмер от неожиданности, потому что больная вдруг приподнялась на кровати и пронзительно закричала:

– Я могу говорить «проклятье», могу! Это совсем не такое плохое слово! Я слышала, как его шептала миссис Гилрой, когда мистер Гилрой наелся чеснока и хотел ее поцеловать! Это слово даже лучше, чем «репа»! И не надо заставлять меня есть эту жуткую репу! О господи, ну и жарко же здесь! – Скинув одеяла, она вывернулась у Грея из рук и соскочила на пол.

Барон в изумлении уставился на свою подопечную, стоявшую перед ним посреди комнаты в чем мать родила. Даже несмотря на крайнюю растерянность, он не мог не отметить, что

она была на редкость изящно сложена, а ее груди так и манили притронуться к ним губами или, еще лучше, языком...

Проклятье, ему не следует думать о ней подобным образом!

Тем временем девушка подскочила к узкому высокому окну и, распахнув его настежь, высунулась чуть не по пояс, жадно ловя ртом прозрачный ледяной воздух.

При виде прелестной округлой попки и длинных стройных ляжек Грей чуть не поперхнулся. Языком или губами... да, действительно, иногда мужчине бывает так нелегко принимать решения!

– Джек, боже милостивый, да ты же вылезла из окна в чем мать родила! Не хватало еще, чтобы ты вывалилась наружу!

Барон схватил ее в охапку, попутно с облегчением отметив, что на улице в этот момент, слава богу, никого не было, и поволок обратно на кровать.

– Успокойся, Джек, вспомни, что ты больна! Тебе нужно оставаться в тепле!

– Я и так в тепле, болван! – выпалила она, обдавая его жарким дыханием. – Я вся горю. Кожу так и печет. О господи! Здесь где-нибудь есть ножницы? Нужно отрезать эти ужасные патлы.

Тут Джек что было силы рванула себя за волосы, после чего со стоном повалилась прямо на Грея. Он осторожно перевернул ее на спину и уложил как можно удобнее.

– Вот так-то лучше. А теперь я попробую тебе чем-нибудь помочь. – Он в растерянности принялся оглядываться и наконец заметил в углу возле кровати тазик с водой. Поскольку под рукой больше ничего не было, Грей намочил ее сорочку и тер пышущее жаром тело до тех пор, пока девушка не открыла глаза.

– Это очень мило, – томно произнесла она, после чего ее головка безвольно склонилась на плечо.

– Ох, нет, – взмолился Грей, – тебе же нужно пить! – И он старательно принялся вливать в нее воду, не прекращая усилий до тех пор, пока оба они не обессилели окончательно.

Вскоре Грей понял, что на сей раз Джек просто спит, а не потеряла сознание. Тогда он укрыл ее одеялом до самого носа, осторожно расправил по подушке копну спутанных волос, поднялся, натянул свой костюм и снова пощупал лоб девушки. Жара не было. Слава богу, кажется, на этот раз он действительно получил передышку.

Грей еще раз кинул взгляд на спящую и поспешно выскользнул из номера.

Глава 7

Дождь громко барабанил по узкому оконцу в их номере; от раскатов грома, сопровождавшихся ослепительными вспышками молнии, дребезжали стекла и вздрагивал столик возле кровати. День выдался на редкость мрачный, но тут Грей ничего не мог поделать – ему оставалось только сидеть и ждать. Однако терпение никогда не входило в перечень его достоинств, и было просто удивительно, как он до сих пор не протоптал дыру в ветхом ковре на грубом дубовом полу.

Через час, когда шум дождя прекратился, Джек очнулась от ощущения необычной тишины. До нее не сразу дошло, что все вокруг изменилось, и сначала лучи солнца, бившие через окно прямо в лицо, напомнили ей старый сарай с ворохом соломы.

Потом она должна была что-то делать с какой-то жирной птицей. Но при чем тут птица? Нет, все было иначе. Она была в таверне под названием «Жирная гусыня». У нее вырвался вздох облегчения: наконец хоть что-то прояснилось!

Она пришла сюда... с Греем! Какое милое имя. Правда, он не говорил ей, как его зовут. Просто она слышала, что так его называли тетушки. А еще она отлично помнила его замечательную улыбку, веселую, белозубую – от такой растает сердце любой женщины. При воспоминании об этой улыбке она сама невольно улыбнулась.

Но отчего его нет рядом? Боже, уж не бросил ли он ее? Неужели у него хватило совести забрать с собой Брюстера с Дурбаном и в одиночку вернуться в Лондон?

Ей вдруг ужасно захотелось пить, она просто умирала от жажды. На маленьком столике возле кровати кто-то оставил кувшин. Необходимо было добраться до этой воды – во что бы то ни стало. Она приподнялась...

Барон отворил дверь в их номер как раз вовремя, чтобы полюбоваться, как Джек валится с кровати, увлекая за собой целый ворох одеял, после бесплодной попытки дотянуться до воды.

Чертыхаясь, он опустился возле нее на колени.

– Репа, – проскрипела она, точь-в-точь как немазанные ворота в розовом саду у тетушки Мод. – Моя мама наверняка накормила бы вас репой!

– Молчала бы лучше! Скажи спасибо, что не свернула себе шею! – усмехнулся Грей и вместе со всеми одеялами водрузил большую обратно на кровать, а затем подал ей воды.

Джек принялась пить с такой же жадностью, с какой Грей недавно набрасывался на свиную отбивную. Осушив единым махом целый стакан, она рухнула на подушки, не потрудившись даже вытереть мокрый подбородок, и затем, посмотрев на Грея, произнесла:

– Как ни странно, вы больше не похожи на чучело. Теперь вас и впрямь можно принять за барона.

– Просто сквайр Леон проявил ко мне милосердие, – скромно произнес Грей и тут же удивленно заметил: – Послушай, да ведь ты, кажется, пришла в себя! Значит, я уже не дослушаю трогательную историю про твою любимую лягушку по кличке Фред и про кузена, имевшего привычку швырять ее в пруд каждый год на Майский день, которую ты рассказывала в бреду...

– Бедненький мой Фред! Я уверена, это француз его поймал! Он жил по соседству и повадился ходить к нам в гости – не Фред, а этот француз. Горкины пригласили французского пожить в их поместье, и как только он увидел Фреда, песенка лягушки была спета. Фред пропал, и, боюсь, навсегда. – Она натужно закашлялась. – Послушайте, у меня горло как будто заржавело. Теперь уже не так больно, но все равно неприятно. Можно я еще попою?

Выпив еще стакан, она смущенно поинтересовалась:

– Это правда, будто я выложила вам все про Фреда?

– Ну да. А где теперь твой кузен? – Барон против воли любовался ее порозовевшими щечками и даже, не удержавшись, легонько погладил одну из них.

– Бернارد погиб где-то в Пиренеях три года назад.

– Мне очень жаль. Ну а теперь скажи: ты сама помнишь, когда мы пришли в эту таверну?

– Нынче ближе к полудню. Тогда мы умирали от голода и вы проглотили целую свиную отбивную, а мне не предложили ни кусочка.

– Но ты сама отвернулась от нее. Вот только это было не сегодня, а два дня назад. Я ужасно за тебя беспокоился, Джек! Даже местный викарий не поленился явиться сюда, чтобы помолиться о твоём выздоровлении. Доктор Хайд рассказал сквайру Леону про нас с тобой, и тот одолжил мне одежду. А его жена прислала для тебя свое платье. Да, да, теперь уже ни для кого не секрет, что ты девушка, даже для мистера Харботтла. Кроме того, доктор Хайд наверняка поделился соответствующими сведениями с соседями. Поэтому я не вижу ничего удивительного в том, что Бетти, супруга сквайра, пожертвовала тебе свою ночную рубашку. Наверное, лучше я надену ее на тебя после ванны, как ты считаешь?

– Ванны?

Девушка машинально запустила пальцы в свои грязные спутанные волосы, затем улыбнулась и кивнула. Однако стоило Грею опустить Джек в теплую воду, как силы снова ей изменили. В итоге она сползла вниз и чуть не захлебнулась.

– Так ничего не выйдет, ты слишком слаба. – Барон схватил ее под мышки и выудил из воды. – Постарайся хотя бы держаться за края, а я пока вымою тебе голову.

Она дрожала от слабости и уже вся посинела к тому моменту, когда Грей наконец счел ее достаточно чистой и завернул в большое махровое полотенце.

Сидя в кресле, Джек молча следила, как горничная Сьюзи перестилает постель. Наконец, покончив с этим, Сьюзи произнесла:

– Прикажете расчесать вам волосы, мадам?

Ответом ей был едва заметный наклон головы. Сил у нее было настолько мало, что она даже не заметила, как Грей надел на нее ночную рубашку и уложил в постель. Чувствуя его горячую ладонь на своем плече, она провалилась в восхитительное безмятежное забытие.

– Ну же, Джек, открой глаза. Ты можешь это сделать. Разве тебя не вдохновляет горячий куриный бульон? Миссис Харботтл сварила его специально для тебя! Понюхай, понюхай как следует! А теперь открой рот. Отлично, не будем торопиться.

Грей кормил ее с ложечки до тех пор, пока Джек не замотала головой, давая понять, что не может больше проглотить ни капли. Только тогда он отставил в сторону тарелку и довольно откинулся в кресле, скрестив руки на груди.

– Так приятно чувствовать себя живой и чистой, – призналась девушка, с наслаждением потянувшись. – Это просто восхитительно.

– Вот именно, восхитительно. – Грей слишком хорошо запомнил каждый дюйм юного тела – ведь он так старательно обтирал его влажной тряпкой, стараясь снять жар. Ему пришлось зажмуриться, чтобы выбросить эту картинку из головы и не позволить разгуляться чересчур буйной фантазии.

– За последние четыре часа произошло много важных событий, – начал барон, стараясь не смотреть на Джек. – Я отправил в Лондон курьера с письмом для тетушек, и он привез ответ.

– Они по-прежнему желают меня видеть?

– О да, они называют тебя милой бедной овечкой. Представляю, какая там поднялась тревога, когда я внезапно пропал, а заодно исчезли ты, Дурбан и Брюстер. Естественно, тут уж тетушкам пришлось признаться Куинси, что лакей Джек – вовсе никакой не Джек. К несчастью, к этому времени Куинси уже успел уведомить всех моих друзей о моем исчезновении. Тем временем вернувшийся друг тетушек сэр Генри Уоллес-Стэнфорд чуть не избил Куинси, но был встречен нашим мужественным Реми, которому удалось мигом выставить его на улицу.

После этого мой хороший друг, Райдер Шербрук, пообещал размазать этого типа по мостовой. Когда Куинси получил мое письмо, Райдер все еще был у нас, и теперь он должен приехать сюда, чтобы проводить нас домой. Я ожидаю его с минуты на минуту. Так что тебе теперь ничто не угрожает.

При этих словах девушка наградила Грея таким несчастным взглядом, что он моментально разозлился. Он ни в чем не виновен и не заслужил такой неблагодарности!

– Это все из-за того, что я украла Дурбана, – вздохнула она. – И что же мне теперь делать?

– Прежде всего ты должна рассказать мне правду. Кто такая Джорджи? – Барон выпрямился в кресле и спокойно ожидал ответа.

– Вы не такой уж плохой человек, правда? – нерешительно начала Джек. – По-моему, тетюшки ужасно ошибались, когда вообразили, будто в вас нет чести. И вы совсем не похожи на своего отца.

– Мой отец умер, и довольно об этом. Довольно заговаривать мне зубы. Ты ведь теперь не считаешь, что мне нельзя доверять, – стало быть, должна рассказать, кто такая Джорджи.

– Это моя младшая сестра...

– И ты поехала в Фолкстоун навестить ее?

– Я хотела увезти ее из дома отчима, чтобы спасти.

– Он что, собирается использовать ее как заложницу против тебя?

– Откуда вы знаете?...

Интересно, что еще она успела выболтать, пока валялась в бреду? Рассказала ему о том, как Томми Лотбридж трогал ее за ноги, когда ей было шесть лет, а ему семь? Помнится, тогда она проделала то же с ногами Томми, и он так перепугался, что целый месяц боялся с ней говорить.

Тут Джек снова вздохнула. Грей вряд ли отстанет от нее со своими расспросами, но ей нужно сначала решить, верит она ему или нет. С одной стороны, он спас ей жизнь, но с другой – если бы он ее не поймал, тогда... А кстати, что бы она тогда сделала? Так и неслась во весь опор до самого Бата, вместо того чтобы повернуть в обратную сторону?

Наконец она откашлялась и выпалила:

– Вы не дадите мне в долг немного денег? И еще Дурбана? Вы сумеете позабыть все, что случилось? Пожалуйста...

– Сначала ответь мне, сэр Генри Уоллес-Стэнфорд – твой отец? – Барон пристально посмотрел на нее.

– Нет, – прошептала Джек.

Грей поднялся с кресла и подошел к кровати.

– Хватит прикидываться дурочкой. Ты и так скомпрометировала меня перед всем светом. Только такая провинциальная зануда, как ты, могла не дать себе труда подумать о том, что натворила. Да открой ты наконец свои чертовы глаза, Джек, я ведь спас тебе жизнь! Послушай, или ты сию же минуту выложишь мне всю правду, или я выпвырну тебя вот в это окно!

– Оно слишком узкое. Я не пролезу. – Джек неожиданно хихикнула.

– Еще как пролезешь. Ты теперь тощая, как вешалка!

Грей сделал резкое движение, и девушка вздрогнула. На какое-то мгновение ей даже показалось, что он вот-вот выполнит свою угрозу, но тут в дверь постучали.

– Это либо мистер Харботтл, который наверняка хочет удвоить плату за номер, либо Сьюзи.

Однако вопреки предсказанию Грея в номер вошла младшая сестра Райдера, Синджен, бывшая замужем за шотландцем Колином Кинроссом, графом Эшбернхемом.

Грей познакомился с Синджен, когда ей было пятнадцать лет, а он в свои девятнадцать сдружился с другим ее братом, Тайзеном. Теперь Тайзен стал викарием, и его чрезвычайно чопорный вид так раздражал братьев, что при встрече они всякий раз не могли отказать себе в

удовольствию развлечь его новыми рассказами о самых скандальных своих похождениях. Все это делалось исключительно из благородных побуждений, для того чтобы испытать и укрепить его добродетель – так утверждал Райдер. Что же касается Синджен, то, насколько помнил Грей, она лишь смеялась при упоминании о Тайзене.

В пятнадцать лет Синджен была длинной нескладной особой с копной растрепанных волос и неотразимой улыбкой. Но эта девочка давно осталась в прошлом. Теперь ей уже исполнилось двадцать два и она успела превратиться в настоящую красавицу.

Ласково сияя огромными синими глазами – отличительной чертой всех Шербруков, – Синджен нежно обняла Грея.

– Ну, сэр, во что вы вляпались на сей раз? Признавайтесь, кого мне следует немедленно пристрелить, чтобы вас спасти? А может, я должна поразить дракона? Райдер только что подобрал на улице девочку – ее выгнал из дому родной отец, не сумев продать любителям малолетних. У меня в голове не укладывается, что на свете существуют такие мерзавцы, но Райдер утверждает, что это вполне обычное дело. Теперь он повез девочку в Брэндон-Хаус, к Джейн.

– Детей, попавших в безвыходную ситуацию, Райдер отвозит в Брэндон-Хаус, – пояснил Грей. – Это отличный новый дом, недавно построенный возле его поместья в Котсуолдсе. Он заботится о ребятах и старается обеспечить им достойное будущее. Обычно там находится не меньше пятнадцати детей одновременно.

– Боже, это еще кто? – неожиданно спросила Синджен. Она с удивлением разглядывала почти неразличимое за множеством одеял лицо девушки, на которую прежде попросту не обратила внимания. – Господи, Грей, неужели та девчонка, которая вырядилась лакеем? И почему она такая зеленая? Что ты с ней сделал? Отойди, дай-ка я ее рассмотрю как следует!

Усмехнувшись, Грей позволил Синджен чуть ли не вплотную подойти к беглянке.

– А где Колин? – неожиданно поинтересовался он.

– На Колина напала... нет-нет, вовсе не банда головорезов. – Довольная результатами своего осмотра «лакея Джека», а заодно и сочиненным ею каламбуром, Синджен засмеялась. – На него напала меланхолия. А все из-за того, что я забеременела. Это же просто глупо, Грей! Подумаешь, с кем не случается. По его поведению можно решить, будто я подцепила какую-то экзотическую заразу! Вот я и оставила его в Лондоне – пусть ходит там с ума, раз уж ему так приспичило!

– То есть ты хочешь сказать, что попросту удрала от Колина? – Грей сокрушенно развел руками. – И конечно, ничего ему не сказала?

– Я написала ему очень миленькую записочку, и пусть скажет мне за это спасибо. Ну хватит об этом.

– Так ты беременна, Синджен? Но это же прекрасно! Поздравляю, поздравляю! – И Грей ласково обнял гостью. – Надеюсь, ты не скакала сюда сломя голову?

– Еще чего! Я взяла экипаж. – Синджен снисходительно улыбнулась Грею и, усевшись на край кровати, посмотрела Джек в глаза. – Ого, ты уже не такая зеленая, как была минуту назад. Это Грей за тобой ухаживал? Ну да, кто же еще – ведь больше здесь никого нет. Я знаю Грея всю жизнь. Он, правда, никогда не был моей сиделкой, но я уверена, что господин барон неплохо справился с этой обязанностью.

– Это его вина, что я заболела. Он не хотел, чтобы я взяла Дурбана.

– Нечего ставить все с ног на голову! – Грей вскипел. – Дурбан мой жеребец, а не твой!

– Можешь мне поверить, – Синджен говорила так, словно Грея не было в комнате, – барон не такой уж эгоист. Наверное, у него была на то серьезная причина, если он пожалел для тебя Дурбана. А вообще он чудесный человек, и скоро ты сама это поймешь. Я знаю, о чем говорю. – Она осторожно пощупала Джек лоб. – Совсем не потный и прохладный. Ты давно пила? Впрочем, не важно. На вот, попей еще. Это Грей тебя выкупал? Вот видишь, он у нас молодец, и к тому же очень заботливый.

– Ладно, хватит болтать о том, какой я замечательный! – Грей во время всего этого разговора чувствовал себя довольно неловко.

– А кожа у твоей подопечной на удивление здоровая и мягкая! – улыбнулась Синджен. – Хм-м, ну и везет же некоторым!

– Это Грей намазал меня кремом, – подала голос Джек.

– Как это мило с его стороны – позаботиться даже о таких вещах! – Синджен захихикала.

На самом деле у Грея вовсе не было оснований сожалеть о том, что из всех Шербруков сюда приехала именно Синджен. Райдер наверняка принялся бы жалеть Джек, и от его причитаний она сама принялась бы ныть и вздыхать.

– Кстати, Синджен, – обратился он к гостье, – как поживает викарий Тайзен?

– Он и его тошнотворно-благопристойная Мелинда Беатриса старательно трудятся над третьим ребенком. Третьим! И это при том, что они и женаты-то всего три года! Ты можешь в это поверить? Дуглас насмехается над ними и говорит, что столь ненасытный аппетит к плотским утехам может разозлить Господа. – Тут Синджен Кинросс на миг замолкла и сосредоточенно нахмурилась. – Грей, я ведь не зря приехала в карете – карета-то твоя! Как только Джек наберется сил, мы сможем отправиться обратно в Лондон.

– Во-первых, я уже набралась сил, – раздался из-под вороха одеял недовольный голос, – и, во-вторых, Джеком меня стали звать всего полторы недели назад.

– Так как же тебя зовут на самом деле? – удивленно осведомилась Синджен.

– Уинифред.

– Ты ни капельки не похожа на Уинифред, – тут же вмешался барон. – И слава богу!

– Абсолютно не похожа! – подтвердила Синджен. – Грей прав, гораздо лучше «Джек», хотя моей маме это наверняка не пришлось бы по вкусу. Она бы обязательно сказала, что это принижает значение женского очарования в угоду мужским интересам. А мне плевать! И вообще, слово «Джек» полно твердости и стойкости!

Слушая прочувствованную речь Синджен, Грей не мог удержаться от смеха:

– Ладно, у нас еще будет время это обсудить. Давай-ка, Джек, я закутаю тебя как следует, и пусть Синджен побыстрее доставит нас в Лондон!

Глава 8

Грей ничуть не сомневался, что со стороны их процессия выглядела довольно впечатляюще. В то время как он тащил Джек, Синджен, идя следом за ними, снабжала его ценными указаниями, в которых, естественно, не было никакой нужды.

Неожиданно их успешное продвижение остановил возмущенный мужской голос.

– О боже! – воскликнула Синджен. – Кажется, меня накрыли!

Грей, до сих пор озабоченно посматривавший то на небо, затянутое тяжелыми низкими тучами, то на бледное личико Джек, меланхолически заметил:

– Ты же сказала, что оставила Колину очень миленькое письмецо.

– Это правда. До того миленькое, что с души воротит. Сроду не сочиняла ничего подобного. Может быть, он не успел его прочитать? А может, прочел письмо и все равно решил меня догнать? Ты ведь знаешь Колина – он так похож на Райдера с Дугласом! То вопит как ненормальный, то хохочет...

И в самом деле, стремительно двигавшийся им навстречу рослый мужчина неистово размахивал руками и кричал:

– Синджен, чертова кукла, не смей трогаться с места! Только попробуй сделать еще хоть шаг! Стой там, где стоишь, успокойся и не вздумай дышать слишком глубоко – от этого внутри может что-нибудь сдвинуться!

Джек, закрученная в одеяла, точно узел с бельем, не сводила взгляда с высокого темно-волосого незнакомца, чуть ли не бегом пересекавшего двор таверны. От удивления она даже позабыла, что сама находится в довольно нелепом положении.

– Синджен, а почему тебе нельзя глубоко дышать? И что может сдвинуться у тебя внутри?

– Да потому что она, черт побери, беременна!

Колин Кинросс, граф Эшбернхем, остановившись возле жены, с нежностью взял ее за руки:

– Ты здорова, дорогая?

– Да, Колин. Здоровее не бывает.

– Проклятье, но ты выглядишь слишком румяной!

– Еще бы мне не быть румяной, когда муж гоняется за мной по пятам и при этом орет на всю округу. Вон, смотри, из таверны даже выскочил хозяин: наверняка решил, что пора пристукнуть буяна пивной кружкой по голове!

Колин на мгновение обернулся и так глянул на мистера Харботтла, не вовремя проявившего любопытство, что тот словно прирос к месту. Затем граф снова обратился к жене:

– Ты сбежала от меня, Синджен! Не успел я выйти, думая, что моя жена послушно лежит в мягкой постельке, почитывая свои любимые истории с привидениями, которые я ей купил, как ты тут же удираешь из дома! Ты умудрилась проскочить мимо слуг, несмотря на то что я приказал им никуда не выпускать тебя из дома!

– Но без меня никак нельзя было обойтись, Колин. Райдер оказался занят – повез бездомную девочку в Брэндон-Хаус, к Джейн...

Колин уже открыл рот, чтобы облегчить душу новой порцией упреков, но тут в их разговор вмешался Грей:

– Привет, Колин. Я бы пожал тебе руку, да сам видишь – в данный момент не могу. Я держу Джек, и она кажется мне все тяжелее с каждой минутой, – сообщил барон. – Хотя она выглядит бледной и тощей, как пересушенная рыба, но ведь даже мелкие камни могут составить изрядный вес, если их полный мешок! Может, ты будешь столь любезен и позволишь мне сперва погрузить Джек в карету, а уж потом продолжишь читать наставления Синджен?

Колин познакомился с Греем еще до того, как в 1807 году встретил Синджен, явившись в Лондон в надежде жениться на богатой наследнице. Вот почему теперь они могли позволить себе обращаться друг к другу запросто.

– Сент-Сайр, ты держишь на руках юную девицу, и она растрепана настолько, что из-за волос почти не видно лица. Она такая бледная, что похожа на восковую фигуру из Музея мадам Тюссо. Тем более, раз это не мальчишка, как же тогда ее можно звать Джеком?

– Просто мне показалось, что она очень похожа на Джека. – Грей ухмыльнулся. – Эх, жаль, я не успел убрать ей волосы – тогда бы ты ни за что не догадался! Как бы там ни было, я рад видеть тебя, Колин. Прими мои поздравления с ожидаемым наследником!

Граф отчего-то побледнел, но тут же взял себя в руки и буркнул:

– Благодарю.

В этот момент, решив, что приветственная церемония наконец закончена, его жена сделала шаг в сторону кареты, однако граф загородил ей дорогу:

– Не смей двигаться, пока я не скажу! Так, значит, это и есть тот лакей Джек? – бросил он Грею через плечо.

– Собственной персоной, – усмехнулся барон и затем спросил: – Колин, ты поедешь верхом или мы набьемся в экипаж?

– Нет, только не это! – запротестовала Синджен. – Колин замучает нас, потому что станет без конца ругаться! Хватит того, что он уже и так начал распекать меня при всех!

– Твои братья на моем месте еще бы и выдрали тебя кнутом!

– Это правда, но ведь они англичане! А ты шотландец – человек гораздо более цивилизованный!

Колин Кинросс, граф Эшбернхем, возвел глаза к небесам.

– И это длится уже почти четыре года! – громко пожаловался он. – Нет, мне не дожить до тридцати!

Синджен невозмутимо похлопала его по плечу:

– Тридцать тебе исполняется в этом году, и ты непременно получишь от меня в подарок на день рождения книгу стихов. – Она обернулась к Грею: – Колин обожает стихи. Они успокаивают ему нервы – по крайней мере когда он в нормальном состоянии. А теперь, господин барон, пора запихнуть Джек в карету, пока ты и вправду ее не уронил.

Грей обреченно вздохнул. Его жизнь была безмятежной, предсказуемой, в общем, вполне сносной, и он был всем доволен! Он сумел спасти Лили и надеялся, что укротил ее мерзавца мужа. Его любовница, Дженни, раздобыла новый рецепт супа из перепелки, восхитительного, как амброзия. Один день сменялся другим с легкостью и удобством – пока ему на голову не свалились почтенные тетушки и лакей Джек не увел Дурбана, чтобы затем обернуться проклятой девчонкой, которой приспичило заболеть.

В конце концов, поняв всю бесполезность переживаний, барон шагнул в карету и тут же, поскользнувшись на оброненной Синджен шелковой перчатке, полетел головой вперед, врезавшись в противоположную дверцу; однако каким-то чудом ему все же удалось зашвырнуть Джек на сиденье.

Девушка упала на скамью, и Грей выругался так, что Линч, его кучер, обомлел от неожиданности.

– Неплохое начало, – заметил Колин, обращаясь к хмурым небесам. Он помог Грею почиститься, усадил поровнее Джек и посадил в карету свою жену. Джек показалось, что благородный граф даже боялся вздохнуть, пока не убедился, что Синджен надежно устроилась на скамейке, а злополучная черная перчатка заботливо вложена в нежную ручку.

– Пожалуй, я лучше проедусь верхом, – сказал Колин и, отсалютовав, двинулся к конюху, державшему под уздцы великолепного арабского жеребца с белой звездочкой на лбу. Мигом

взлетев в седло, граф крикнул: – Я привязал ваших лошадей к карете! Давай, Линч, трогай! До Лондона не меньше пяти часов пути!

Сидя рядом с Джек, Грей следил, чтобы она не упала, в то время как Синджен, напряженно потупившись и закусив губу, недоуменно покачивала головой. Заметив это, Грей ласково взял ее за руку.

– Что с тобой, Синджен? – спросил он, продолжая придерживать бессильно качавшуюся на сиденье Джек.

– Бедный Колин, – вздохнула она. – Он так переживает! Как только выяснилось, что я беременна, он стал просто сам не свой: не спускает с меня глаз и трясется надо мной, как курица над цыпленком. Было так приятно убедиться, что он по-прежнему способен орать, как ненормальный, и краснеть, как маков цвет. С того дня, когда я сказала ему о ребенке, он впервые решился на такую выходку! Ну да ладно, лучше ты Расскажи мне, зачем эта девушка украла Дурбана и сбежала из Лондона?

Джек вздрогнула и уткнулась носом в одеяла.

– Надеюсь, она ответит нам на все вопросы, как только мы вернемся в Лондон, правда, Джек?

Их спутница еще глубже зарылась в одеяла и наконец слабым голосом произнесла, явно стараясь уйти от ответа:

– Господин барон рассказывал мне о Дугласе и Райдере. Но я их совсем не знаю. Может быть, когда мы приедем в Лондон...

– Можешь не сомневаться! – рассмеялась Синджен. – Ты непременно с ними познакомишься! Наверное, Грей сказал тебе, что Дуглас – старший в роду Шербруков. Он граф Нортклифф и самый лучший из братьев. Он такой же огромный и смуглый, как Колин, а своей улыбкой может растопить глыбу льда. Но мне больше нравится, когда он напускает на себя мрачный и неприступный вид, – после этого его улыбка кажется еще светлее! Дуглас очень умный и преданный, он очень серьезно относится к своим обязанностям. Его семья живет в Нортклифф-Холле, возле Истберна – это на южном побережье Англии. Что касается Райдера – он такой смешной и очаровательный, всегда полон жизни и веселья. Перед ним никто не может устоять. И он совсем не как Дуглас – тот только и делает, что улыбается. Райдер уже много лет занимается тем, что спасает маленьких детей, потерявших родителей, и передает их в Брэндон-Хаус, под опеку Джейн, удивительной женщины, у которой энергии хватит на сотню таких, как ты. Она так же готова всегда прийти на помощь детям, как и Райдер. Ты, наверное, уже догадалась, что самая младшая в семействе – это я. Я вышла замуж за шотландца, потому что по уши влюбилась в него с первого взгляда, как только увидела на спектакле в театре на Друри-лейн. Он нуждался в богатой наследнице, и, к счастью, я ему подошла. После моих уговоров Дуглас с Райдером поверили, что их младшая сестричка достаточно взрослая, чтобы стать чьей-то женой, и все устроилось как нельзя лучше. Первая жена Колина умерла, и у меня теперь есть двое очаровательных приемных детей: Филип, десяти лет от роду, и Далинг – восьмью. Но не слишком ли много информации для тебя? Смотри, как бы тебе опять не стало плохо!

– Ох, нет, – возразила Джек. – Пожалуйста, Синджен!

– Так вот, Дуглас женат на Александре, и хотя она в два раза ниже его ростом, зато не уступает ему в упрямстве. Но Дугласу непременно надо всем командовать, и Алекс позволяет ему это делать примерно в пятидесяти случаях из ста. Они растят двух близнецов, которые являются точной копией старшей сестры Алекс Мелисанды. От нее просто невозможно глаз оторвать, так она хороша. Наверное, поэтому Дуглас вбил себе в голову, что его мальчики – самые красивые в Англии, и оттого они наверняка вырастут ужасно избалованными. Что касается Райдера, то он женат на Софи, которую встретил на Ямайке, – там он вызволил ее из какой-то жуткой передраги. У Софи есть младший брат, Джереми, он учится в Итоне. Наша

Софи неприступна, как скала, пока дело не касается Райдера. Когда он рядом, она только и делает, что хохочет без конца, гладит его и целует – не важно, есть кто-нибудь рядом или нет. У них единственный сын Грейсон – самый прелестный малыш в мире. Он унаследовал от отца все его обаяние и любовь к радостям жизни, а от Софи – ее упорство, особенно в тех случаях, когда она чего-то желает добиться.

– Между прочим, Грейсон – мой крестник, – пояснил барон. – Он будет оставаться самым прелестным малышом до тех пор, пока Синджен не родит своего сына. По крайней мере я так считаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.